M65 —
1220

В. Тепловъ.

Л65 Т220

Происшествіе

въ Сѣверномъ морѣ.

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ
ИЗЪ
«РУССКАГО ВѢСТНИКА».

ТИП. В. В. КОМАРОВА,
Спб., Невскій, 136.
1905.

1
165 1220

834062

Происшествіе въ Сѣверномъ морѣ.

I.

Рядъ катастрофъ, постигшихъ нашъ флотъ съ самаго начала русско-японской войны и обрушившихся на него въ столь быстрой, въ военно-морскихъ лѣтописяхъ едва-ли доселѣ встрѣчавшейся, послѣдовательности, имѣлъ своимъ результатомъ созданіе условій, при которыхъ японскія сухопутныя войска пріобрѣли возможность бо̀льшей свободы дѣйствій. Они ею безотлагательно и воспользовались: высадка японцевъ на Ляодунскомъ полуостровѣ, занятіе Дальняго, поглотившаго столько русскихъ милліоновъ, являются горестными тому доказательствами. Въ особенности же болѣзненно почувствовалось отсутствіе нашего флота въ Цзинъ-чжоускомъ сраженіи, когда пришлось отдать японцамъ неприступную позицію только потому, что не сдерживаемымъ уже русскимъ флотомъ мелкимъ японскимъ судамъ можно было обстрѣливать ее и съ фланга, и съ тыла и когда подъ прикрытіемъ огня этихъ же судовъ японская пѣхота прошла по водѣ, минуя заложенные на берегу фугасы. Спала тогда пелена съ глазъ у многихъ и вмѣсто прежнихъ равнодушныхъ рѣчей, сомнѣвавшихся въ надобности для Россіи имѣть сильный флотъ въ Тихомъ океанѣ, стали раздаваться страстные призывы, доказывавшіе, что государственный интересъ Россіи властно требуетъ немедленнаго усиленія нашей морской силы въ Желтомъ морѣ. Русскій народъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ слѣдилъ за сборомъ эскадры, ввѣренной вице-адмиралу Рожественскому и велѣніемъ Верховнаго Вождя русской земли посланной въ Тихій океанъ, чтобы вырвать у японцевъ ту власть надъ моремъ, которую они возвели на основаніи, сложенномъ изъ вѣроломства и предательства. Понятно, съ какимъ чувствомъ смотрѣли русскіе на все, что имѣло то или

другое отношеніе къ далекому путешествію этой эскадры, являвшейся въ данный моментъ носительницею надеждъ Россіи, которая трепетно ожидала, что первымъ послѣдствіемъ прибытія ея въ китайскія воды будетъ помощь многострадальному Портъ-Артуру, геройскимъ мужествомъ своихъ защитниковъ успѣвшему сдѣлаться роднымъ всякому, въ комъ бьется русское сердце. Съ тѣмъ большимъ замираніемъ сердца всѣ думали объ опасностяхъ, которыя должны были неминуемо встрѣтиться въ продолженіи долгаго пути, предстоявшаго эскадрѣ; всѣмъ было ясно, что нашъ врагъ не остановится ни предъ какимъ средствомъ, чтобы помѣшать русскимъ судамъ дойти до мѣста назначенія. Опасенія росли еще и потому, что со всѣхъ сторонъ получались свѣдѣнія, что японцы не дремлютъ и приняли уже мѣры, чтобы погубить эскадру адмирала Рожественскаго. Сдѣлалось извѣстнымъ, что адмиралъ Сакамото руководитъ изъ Гонконга всѣми этими мѣрами. Сотни офицеровъ, электротехниковъ и самыхъ опытныхъ минеровъ отправлены были за инструкціями въ Гонконгъ, а оттуда разосланы въ различные пункты для нападенія на русскія суда. Всѣ мѣры приняты были заблаговременно: уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ триста японцевъ отправлены были въ Христіанію, въ Данію, въ Англію и Индію. Имъ былъ предоставленъ неограниченный кредитъ для закупки судовъ и аппаратовъ, какіе они признаютъ необходимыми для исполненія предпринятаго ими дѣла. Сообщали также, что большое количество японцевъ поджидаютъ русскую эскадру у Зондскихъ острововъ, другіе близъ Перима и, наконецъ, что 70 японцевъ находятся съ тою же цѣлью въ Европѣ. Въ „Berliner Tageblatt“ было разсказано, что японскіе офицеры переѣзжали въ Большомъ Бельтѣ изъ одного порта въ другой; а одинъ таинственный незнакомецъ въ концѣ сентября неустанно крейсировалъ на небольшомъ пароходѣ „Frigga“ по водамъ Бельта и Скагеррака. По другимъ частнымъ свѣдѣніямъ, многіе иностранцы видѣли подозрительныя суда, шнырявшія до прохода нашей эскадры по Нѣмецкому морю, а за нѣсколько недѣль до того капитанъ японской морской службы Такашима посѣтилъ гавани Ниборгъ, Фредериксгавнъ и Скагенъ. „Figaro“ привелъ въ свою очередь рядъ фактовъ, неопровержимо доказывавшихъ, что во многихъ портахъ Европы дѣйствительно находилось большое число японскихъ шпіоновъ съ неизвѣстною миссіей. Въ Марселѣ удалось установить присутствіе одинадцати агентовъ японскаго правительства, въ Генуѣ ихъ было пять и нѣсколько человѣкъ въ Тулонѣ, которые слѣдили

тамъ за выходомъ плавучаго госпиталя „Орелъ“, такой же японскій шпіонъ былъ замѣченъ въ Сеттѣ. Всѣ эти тайные агенты находились въ сношеніяхъ другъ съ другомъ и по данному сигналу сразу исчезли изъ портовъ Средиземного моря и притомъ именно въ тотъ день, когда Балтійская эскадра вышла изъ Кронштадта; затѣмъ, повидимому, установлено, что ко времени отплытія эскадры изъ Либавы, шпіоны эти находились уже въ сборѣ въ Лондонѣ.

Самыми опасными мѣстами были, конечно, Бельтъ, Категатъ, Скагерракъ, Нѣмецкое (Сѣверное) море и Англійскій каналъ. „Эти мѣста“, какъ говоритъ капитанъ Кладо въ своихъ замѣчательныхъ статьяхъ о Балтійской эскадрѣ, „опасны не только въ навигаціонномъ отношеніи своими мелями, камнями, теченіями, бурными осенними погодами и туманами. Они опасны, главнымъ образомъ, близостью недоброжелательныхъ намъ шведскихъ, норвежскихъ и англійскихъ береговъ, гдѣ могутъ ютиться наши отважные, упорные въ своихъ замыслахъ и не останавливающіеся ни предъ чѣмъ противники. Наконецъ, эти водныя пространства кишатъ рыбаками всѣхъ націй, добывающими средства для своего существованія невѣроятнымъ трудомъ въ вѣчной борьбѣ съ суровымъ, сѣвернымъ моремъ. Это все люди смѣлые, превосходные моряки, закаленные въ этой безпрерывной войнѣ: трудно ли между ними найти за хорошія деньги сообщниковъ и укрывателей? Вѣдь идутъ же на гораздо бо́льшую опасность и за небольшую собственно плату китайскія джонки, которыя и до сихъ поръ поддерживаютъ постоянное сообщеніе съ Портъ-Артуромъ“.

Сопутствуемая пожеланіями всей Россіи, эскадра адмирала Рожественскаго отправилась изъ Либавы въ свой дальній путь; благодаря особымъ мѣрамъ предосторожности, принятымъ датскимъ правительствомъ, она счастливо миновала датскія воды и замышленныя тамъ противъ нея покушенія не могли быть японцами приведены, къ вящшей ихъ досадѣ, въ исполненіе. Но въ Сѣверномъ морѣ плаваніе ея не должно было пройти столь же счастливо и телеграмма агентства Рейтера 10 октября разнесла по всему свѣту извѣстіе, что наша эскадра столкнулась съ двумя рыбачьими судами изъ Гулля и потопила ихъ, причемъ русскія суда стрѣляли по англійскимъ, вслѣдствіе чего англійскій капитанъ былъ убитъ и 18 рыбаковъ потонуло.

На другой день 11 октября, повѣренные пятидесяти рыболовныхъ судовъ въ Гуллѣ заявили англійскому министерству иностранныхъ дѣлъ и адмиралтейству уже о „нападеніи“, произ-

веденномъ на суда со стороны Балтійской эскадры. По ихъ словамъ, въ ночь съ 8 на 9 октября русскія суда приблизились къ флотиліи англійскихъ рыболовныхъ судовъ, направили на нее электрическіе прожекторы и одновременно открыли по ней огонь. Судно „Crane“ было пущено ко дну. Пароходы „Moulmein“ и „Mino“ вошли въ докъ св. Андрея въ Гуллѣ съ серьезными поврежденіями. Первое сообщеніе капитана „Moulmein“, сдѣланное имъ представителю лондонской „Press Association“ подъ непосредственнымъ, свободнымъ отъ всякаго посторонняго вліянія, впечатлѣніемъ только что происшедшей катастрофы, переданное телеграммой Рейтера 11 октября и которое, какъ сообщенное англійскимъ телеграфнымъ полу-оффиціальнымъ агентствомъ, не можетъ быть заподозрѣно въ пристрастіи въ ущербъ англійскимъ интересамъ,— такъ характерно и, по моему, важно, что его слѣдуетъ повторить дословно:

„Пришедшія вчера вечеромъ въ докъ св. Андрея рыболовныя суда „Moulmein“ и „Mino“ представляли безпримѣрное зрѣлище. Суда были пробиты пулями. На „Moulmein“ флагъ былъ приспущенъ. Капитанъ „Moulmein“ сообщилъ, что рыболовная флотилія стояла въ часъ ночи на 9 октября въ 220 миляхъ къ востоку отъ Спурхеда. Несмотря на темноту и туманъ, были замѣтны очертанія нѣсколькихъ большихъ судовъ, идущихъ въ кильватерной колоннѣ. Въ то время какъ рыбаки смотрѣли на эскадру, внезапно засвѣтились электрическіе прожекторы. Рыбаки увидали, какъ приблизились суда, показавшіяся имъ миноносками, какъ онѣ подошли къ „Moulmein“, какъ будто для того, чтобы пристать къ нему. Затѣмъ, миноноски соединились съ эскадрой, которая вслѣдъ за этимъ открыла огонь. Канонада длилась 20 минутъ. Эскадра прошла дальше на югъ“.

Второе весьма важное сообщеніе, служащее дополненіемъ перваго и, какъ переданное по телеграфу 11 октября тѣмъ же агентствомъ Рейтера, представляющее для англичанъ всѣ гарантіи достовѣрности, заключалось въ томъ, что „согласно полученному министерствомъ иностранныхъ дѣлъ заявленію, когда русская эскадра удалилась, то одно изъ ея судовъ осталось на мѣстѣ происшествія и наблюдало за рыболовными судами до 6 часовъ утра 9 октября“.

Въ этихъ двухъ сообщеніяхъ, идущихъ съ *англійской* стороны и сдѣланныхъ, повторяю, подъ первымъ, свободнымъ отъ какихъ-либо послѣдующихъ постороннихъ вліяній, впечатлѣніемъ, и лежитъ, какъ я полагаю и какъ объясню ниже, ключъ

къ разгадкѣ всего происшествія въ Сѣверномъ морѣ, чуть не вызвавшаго войны между Россіей и Англіей.

II.

Извѣстіе о происшествіи въ Сѣверномъ морѣ было получено въ Лондонѣ въ воскресенье между 9 и 10 часами вечера въ формѣ короткихъ агентскихъ телеграммъ, переданныхъ спеціальными аппаратами, находящимися въ клубахъ и главныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Но по воскресеньямъ клубы обыкновенно пустуютъ и ни одна газета не выпускаетъ особыхъ прибавленій. Такимъ образомъ, извѣстіе это сдѣлалось извѣстнымъ очень немногимъ лицамъ и распространилось по Лондону только въ понедѣльникъ утромъ, вызвавъ повсюду сильное волненіе. Большинство газетъ въ своихъ передовыхъ статьяхъ сначало комментировали его довольно сдержанно. Однако, толпа проявила тотчасъ же необычайное возбужденіе; мелкая печать подливала масла въ огонь, а вечеромъ органы ея расклеили особыя прибавленія съ сенсаціонными заголовками: „Мобилизація англійскаго флота“, „Секретныя приказанія, посланныя въ Портсмутъ“, „Война“ и т. п.

Затѣмъ, и радикальные, и консервативные органы стали единодушно требовать немедленныхъ и самыхъ энергичныхъ дѣйствій правительства, которое должно было потребовать не только извиненій, вознагражденія и наказанія виновныхъ въ содѣянномъ преступленіи, но и гарантій, которыя обезпечили бы отъ повторенія атакъ на англійскія суда. Они обращали вниманіе на то, что самымъ важнымъ обстоятельствомъ въ происшедшемъ инцидентѣ является то, что эскадра ушла на всѣхъ парахъ, не попытавшись спасти команды потопленныхъ судовъ и не заявивъ нигдѣ на англійскомъ побережьи о случившемся. Такое же удивительное отсутствіе гуманности по отношенію къ пострадавшимъ рыбакамъ выказалъ, по словамъ газетъ, и долго спустя послѣ того остававшійся на мѣстѣ катастрофы русскій миноносецъ. „Standard“ требовалъ, чтобы Балтійская эскадра была немедленно возвращена обратно и говорилъ, что она является международнымъ бичомъ: „Молчаніе адмирала Рожественскаго является однимъ изъ худшихъ моментовъ. Рожественскій выказалъ грубое равнодушіе, продолживъ свой путь безъ заботы о послѣдствіяхъ обстрѣливанія судовъ“.

Особенно рѣзкимъ тономъ говорилъ „Daily Mail“: „Россія должна будетъ объяснить, если можетъ, образъ дѣйствій своихъ

фицеровъ. Самой вѣрной и осторожной мѣрой было бы отозвать немедленно эту эскадру обратно, такъ какъ при настроеніи, выказанномъ ея офицерами и экипажемъ, врядъ ли она въ состояніи встрѣтиться съ опасностями въ водахъ Дальняго Востока, а между тѣмъ, она слишкомъ опасна для нейтральныхъ и торговыхъ судовъ!"

„Daily Express" восклицалъ: „если когда-либо былъ вполнѣ законный поводъ требовать войны, такъ это вчера!.. Но нація понимаетъ тѣ необыкновенныя условія, въ какихъ произошелъ инцидентъ, и можетъ спокойно ждать до тѣхъ поръ, пока будутъ даны достаточныя объясненія этого инцидента". „Globe" пускалъ при этомъ случаѣ въ ходъ даже сарказмы, выражаясь, что „это была первая побѣда русскаго флота съ начала войны", а одинъ изъ бывшихъ министровъ, всегда спѣшащихъ при такой подходящей оказіи выступить съ своимъ сужденіемъ, негодовалъ въ разговорѣ съ корреспондентомъ этой газеты: „Представьте себѣ могущественную эскадру, становящуюся въ боевую линію для того, чтобы стрѣлять въ жалкія рыболовныя суда. Развѣ это не смѣшно?"

Провинціальная англійская печать выражалась въ столь же энергичныхъ словахъ, какъ и лондонская, требуя отъ адмиралтейства безотлагательнаго принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ и настаивая даже на томъ, чтобы англійскія военныя суда сопровождали на Дальній Востокъ русскую эскадру.

Если вѣрить нью-іоркскому корреспонденту „Times", то американцы вполнѣ сочувствовали англичанамъ и находили, что для общественной безопасности на морѣ необходимо отозваніе адмирала Рожественскаго. „New-York Times" въ статьѣ, озаглавленной „Сумасшедшій, выпущенный на свободу", такъ прямо и заявлялъ: „Невозможно допустить, чтобы по морямъ плавалъ флотъ подъ командованіемъ адмирала, истребляющаго торговыя и каботажныя суда Европы, Азіи и Африки".

По этому поводу парижская „Correspondance Politique" подняла голосъ „противъ необузданной кампаніи, начатой лондонскою прессой, ранѣе даже, чѣмъ стали извѣстны обстоятельства, при которыхъ произошелъ инцидентъ. Гуманныя чувства и добродушіе русскихъ войскъ и моряковъ всегда признавались врагами и противниками. Поэтому, болѣе чѣмъ странно видѣть, что Англія упрекаетъ Россію въ жестокости. Нескрываемыя симпатіи англійскаго народа къ Японіи и его солидарность съ нею въ настоящей войнѣ явились, безъ сомнѣнія, могущественнымъ факторомъ въ гулльскомъ прискорбномъ происшествіи. Съ другой стороны, извѣстно, какъ мало

сами англичане повинуются сигналамъ и насколько распространено въ англійскомъ торговомъ флотѣ обыкновеніе становиться на пути иностранныхъ военныхъ судовъ, чтобы получить поврежденія и заставить, затѣмъ, заплатить за старыя, негодныя суда. Англійскіе консула и министерство иностранныхъ дѣлъ завалены безчисленными жалобами на англійскія суда, которыя, столкнувшись съ другими судами, оставляли ихъ тонуть, не подавая помощи. При такомъ положеніи дѣла нельзя безъ изумленія слышать, что англійскія газеты обвиняютъ русскихъ моряковъ въ варварствѣ".

Русскій посолъ графъ Бенкендорфъ прибылъ въ Лондонъ изъ Германіи вечеромъ. Ничего не зная о происшедшемъ, онъ былъ крайне удивленъ множеству полиціи, собранной на вокзалѣ въ видахъ огражденія посла отъ могущихъ произойти враждебныхъ манифестацій. Когда посолъ сталъ садиться въ экипажъ, изъ многочисленной, окружавшей его толпы, преимущественно молодежи, послышались со всѣхъ сторонъ свистки, а нѣкоторые, какъ говорятъ, показывали послу кулаки и даже намѣревались разбить стекла дверецъ кареты. Это былъ совершенно исключительный фактъ, не имѣющій прецедента въ англійской исторіи.

Англійское правительство, по полученіи извѣщенія о случившемся, распорядилось произвести въ Гуллѣ допросъ всѣмъ прикосновеннымъ къ дѣлу, съ цѣлью установленія точнаго изложенія обстоятельствъ, сопровождавшихъ происшествіе въ Сѣверномъ морѣ и, кромѣ того, предписало вызвать въ Лондонъ для личнаго допроса главныхъ свидѣтелей-очевидцевъ происшествія. Многословныя показанія опрошенныхъ лицъ не выяснили, однако, дѣла и своею сбивчивостью скорѣе затемнили истину и, вдобавокъ, повинуясь неизвѣстнымъ причинамъ, нѣкоторыя лица стали отказываться отъ своихъ первоначальныхъ показаній: къ числу ихъ принадлежитъ и капитанъ „Moulmein", который отрекся отъ своего первоначальнаго заявленія и сталъ утверждать, что судно, принятое имъ за миноносецъ, было, какъ кажется, простымъ миссіонерскимъ судномъ.

Сдѣлавъ распоряженія о принятіи мѣръ къ усиленію боевой готовности различныхъ британскихъ эскадръ, англійское правительство послало русскому ноту, о сущности которой можно было освѣдомиться изъ рѣчи, произнесенной въ Глазго министромъ земледѣлія Онслоу:

„Вы не будете удивлены, если услышете, что мы дали знать русскому правительству, что Великобританіи должны быть

представлены извиненія и она должна получить какъ полное удовлетвореніе за то, что случилось, такъ и достаточныя гарантіи противъ повторенія такого инцидента. Я полагаю, что мы можемъ надѣяться на полученіе отъ русскаго правительства отвѣта въ желаемомъ духѣ, хотя мы и не получили еще его оффиціально". Намекнувъ, послѣ того, на инструкціи, данныя британскому флоту, Онслоу заключилъ такими словами: „Мы думаемъ, что эти мѣры будутъ только выраженіемъ общаго чувства, что намъ никоимъ образомъ не придется идти далѣе и что наши дружественныя отношенія съ Россіей нисколько не пострадаютъ". Министръ колоніи Литльтонъ въ тоже время заявилъ, что присоединяется къ мнѣнію морскаго министра Сельборна о томъ, что русское правительство выразитъ свое порицаніе лицамъ, являющимся виновниками настоящихъ поступковъ и не замедлитъ представить самое полное удовлетвореніе.

Не остались позади и различные видные политическіе дѣятели. Лордъ Розберри послалъ сто фунтовъ стерл. жертвамъ, какъ онъ выразился, „неслыханнаго покушенія". Сэръ Генри Кампбелль Баннерманъ, вождь оппозиціи въ парламентѣ, высказалъ въ своей рѣчи, произнесенной имъ въ Норвичѣ, что „нападеніе не было ни несчастной случайностью, ни недоразумѣніемъ. Страна выказала полное единодушіе, поддерживая правительство въ его требованіяхъ удовлетворенія за это безпримѣрное и жестокое нападеніе".

Рѣчи вождей либеральной партіи, другихъ извѣстныхъ либераловъ и вождей группъ рабочихъ указывали, по словамъ „Daily Telegraph", на полное единодушіе страны: „Подобнаго единодушія не бывало въ соединенномъ королевствѣ со временъ наполеоновскихъ войнъ. Газеты всѣхъ направленій сошлись теперь въ мнѣніи, единогласно требуя, чтобы Англія не медлила долѣе, но приняла бы мѣры, дабы въ интересахъ цивилизованнаго міра устранить опасность, грозящую всѣмъ неминуемо".

По полученіи англійской ноты, русское правительство разослало срочныя телеграммы въ различные порта, куда могли бы зайти суда адмирала Рожественскаго, и просило о подробныхъ разъясненіяхъ.

Государь Императоръ изволилъ отправить 12 октября телеграмму съ выраженіемъ сожалѣнія и соболѣзнованія жертвамъ несчастнаго случая. Одновременно, русское правительство извѣстило англійское министерство иностранныхъ дѣлъ, вслѣдствіе повторенныхъ требованій со стороны этого послѣдняго,

что оно не можетъ принять никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ, пока ему не будутъ доставлены оффиціальныя разъясненія. При этомъ, и въ русской нотѣ также выражалось сожалѣніе по поводу инцидента.

При формулированіи англійскихъ требованій было ясно высказано, что въ случаѣ, если требованіе о наказаніи виковныхъ офицеровъ не будетъ удовлетворено, то Балтійской эскадрѣ не будетъ дозволено пройти дальше Танжера. Русское правительство на это отвѣтило, что не можетъ привлечь къ отвѣтственности своихъ офицеровъ, не получивъ ихъ разъясненій, и что пока все дѣло не будетъ основательно разъяснено, оно можетъ сообразовать свой образъ дѣйствій только съ донесеніемъ русскаго адмирала. Въ виду этого, С.-Джемскій кабинетъ въ особомъ совѣщаніи обсуждалъ вопросъ, какой выходъ можно было бы найти изъ подобнаго труднаго положенія и, какъ кажется, было рѣшено воспользоваться дружескими отношеніями, въ которыхъ находился французскій посолъ какъ съ британскимъ правительствомъ, такъ и съ русскимъ посольствомъ, чтобы черезъ его посредство достичь обыкновеннаго разслѣдованія фактовъ.

„Morning Post“ считалъ сдержанность, проявленную британскимъ правительствомъ по отношенію къ Россіи, неумѣстной: „Послѣ разбойничьяго нападенія первымъ долгомъ является возстановленіе должнаго уваженія къ законамъ; высказанная же сдержанность легко можетъ быть не понята и объяснена нерѣшительностью. Великобританія, однако, не въ настроеніи шутить съ нею далѣе. По мнѣнію „Standard“, „русское правительство, повидимому, не сознаетъ въ достаточной мѣрѣ всю опасность положенія. Мы не знаемъ, опредѣлилъ ли Ландоунъ въ своей нотѣ Россіи срокъ на отвѣтъ на нее; одно ясно, что правительство понимаетъ народное настроеніе и рѣшилось немедленно разрѣшить вопросъ. Оно не потеряло времени: наши эскадры концентрируются и направляются къ югу,—однимъ словомъ, Балтійская эскадра будетъ задержана и будетъ принуждена вернуться, если только попытается продолжать свой путь“.

Припомнить подобныя воинственныя рѣчи въ настоящее время далеко не мѣшаетъ, такъ какъ изъ всего этого бряцанія нѣсколько заржавѣвшимъ оружіемъ ничего не вышло и эскадра адмирала Рожественскаго преспокойно продолжала свой путь.

Даже и либеральный „Daily News“ проповѣдовалъ тогда, что „ни время, ни замалчиваніе не успокоятъ общественнаго мнѣнія, а лишь еще больше взволнуютъ его, и мы надѣемся,

что русскій отвѣтъ будетъ содержать достаточно ясное признаніе своей преступности въ случившемся".

Досталось при такомъ благопріятномъ случаѣ и русской прессѣ вообще. „Daily Chronicle" гремѣла: „Не должно быть сомнѣнія въ твердомъ нежеланіи англійскаго народа довольствоваться нерѣшительными увертками. Насиліе со стороны русскаго флота было удивительно,—защита этого насилія русской прессой еще удивительнѣе".

„Times" рисовалъ положеніе „крайне серьезнымъ въ виду неполученія отвѣта Россіи по существу. Съ дерзкими и грубыми комментаріями русской прессы не слѣдуетъ считаться, должно лишь замѣтить, что если они—отраженіе настроенія господствующихъ въ Россіи классовъ, то война можетъ быть только вопросомъ нѣсколькихъ часовъ... Если же правда, что адмиралъ Рожественскій предъ отходомъ изъ Либавы объявилъ о намѣреніи атаковать всякое судно, которое приблизилось бы къ эскадрѣ, то Англіи остается лишь одинъ путь, а именно потребовать немедленнаго отозванія Рожественскаго и настоять на примѣрномъ его наказаніи".

Вотъ какими страшными пугалами потрясала противъ Россіи свободная англійская печать, считающая грубостью и дерзостью попытку русской печати имѣть по нѣкоторымъ вопросамъ свое собственное мнѣніе, либо же стоять при этомъ на своей, народной точкѣ зрѣнія, хотя бы и не совпадающей съ британскою. Органы иноземной печати и даже большинство чужеземцевъ, въ особенности же англичане, такъ избалованы обычнымъ въ прошломъ преклоненіемъ русскихъ предъ всѣмъ иностраннымъ, что и доселѣ считаютъ одною дерзостью не только всякій, даже слабый отпоръ ихъ домогательствамъ, но и всякую попытку показать имъ, что мы уже не тѣ, что прежде, что мы имѣемъ основаніе гордиться тѣмъ, что мы русскіе, и что, наоборотъ, скорѣе является дерзостью притязаніе отрицать за нами право защищать нашу собственную точку зрѣнія въ вопросахъ, гдѣ замѣшанъ русскій государственный интересъ.

III.

Столь нетерпѣливо ожидаемыя телеграммы адмирала Рожественскаго, наконецъ, были получены и опубликованы 14 октября. Первая изъ нихъ гласила: „Случай въ Нѣмецкомъ морѣ вызванъ былъ двумя миноносцами, шедшими въ атаку

безъ огней подъ прикрытіемъ темноты на головной корабль отряда. Когда отрядъ сталъ свѣтить боевыми фонарями и открылъ огонь, тогда обнаружено было присутствіе также нѣсколькихъ малыхъ паровыхъ судовъ, похожихъ на рыболовные паровые бота. Отрядъ старался щадить эти бота и тотчасъ прекратилъ огонь, когда миноносцы были потеряны изъ виду. Англійская пресса возмущена тѣмъ, что эскадренный миноносецъ, оставленный до утра на мѣстѣ происшествія, не подавалъ помощи потерпѣвшимъ. При отрядѣ не было ни одного миноносца и никто на мѣстѣ происшествія не былъ оставленъ; слѣдовательно, оставался до утра при мелкихъ паровыхъ судахъ тотъ изъ двухъ миноносцевъ, который не былъ утопленъ, а лишь поврежденъ. Отрядъ не подавалъ помощи мелкимъ паровымъ судамъ, подозрѣвая ихъ въ соучастіи, въ виду упорнаго стремленія прорѣзать строй судовъ; нѣкоторыя совсѣмъ не открывали огней, другія очень поздно".

Вторая телеграмма адмирала Рожественскаго подчеркивала фактъ, уже ранѣе мною указанный: „Эскадра, встрѣчая многія сотни рыбаковъ, оказывала имъ должное вниманіе, исключая тотъ случай, когда рыбаки были въ обществѣ чужихъ миноносцевъ, изъ которыхъ одинъ исчезъ, а другой, по показаніямъ самихъ рыбаковъ, остался среди нихъ до утра. Они считали его русскимъ и негодовали, что не подаетъ помощи потерпѣвшимъ, но онъ былъ чужой и, оставаясь до утра въ поискахъ товарища или для исправленія своихъ поврежденій, боясь себя выдать тѣмъ, кто не были сообщниками. Если на мѣстѣ происшествія оказались также и рыбаки, неосторожно вовлеченные въ предпріятіе, то прошу отъ лица всей эскадры выразить искреннее сожалѣніе несчастнымъ жертвамъ обстановки, въ которой ни одинъ военный корабль, даже среди глубокаго мира, не могъ поступить иначе".

Эти телеграммы съ изложеніемъ дѣла, какъ оно въ дѣйствительности происходило, были встрѣчены англійской печатью съ самымъ крайнимъ озлобленіемъ и она не щадила бранныхъ эпитетовъ по адресу русскаго адмирала.

Исключеніемъ явилось лишь мнѣніе, высказанное въ «Daily Chronicle» извѣстнымъ въ Англіи авторитетомъ по международному праву, Фредерикомъ Пуллокомъ. Онъ началъ съ того, что „вѣроломное нападеніе японцевъ на русскую эскадру въ Портъ-Артурѣ, до объявленія войны, дало вице-адмиралу Рожественскому полное право заподозрить повтореніе такого же поступка въ Сѣверномъ морѣ. Командующій русской эскадрой тѣмъ болѣе былъ правъ, принимая энергичныя мѣры, что на

русскихъ судахъ не замѣтили никакихъ огневыхъ сигналовъ съ рыболовныхъ судовъ, близко подошедшихъ къ русской эскадрѣ. „Отсутствіе на рыбачьихъ судахъ огней было, между прочимъ, подтверждено показаніемъ рыбака съ „Mino“ Гартфильда предъ гулльскою слѣдственною комиссіею. „А если бы даже и подавались сигналы,—замѣчалъ Пуллокъ,—русскіе не могли бы ихъ видѣть вслѣдствіе густого тумана“.

Но англійскія газеты не были одиноки въ своей несправедливой враждебности къ намъ и имъ вторилъ согласный хоръ всей заграничной печати за весьма рѣдкими, да и то во французской печати, исключеніями. Въ особенности открыли свои шлюзы газеты германскія, употребившія всѣ усилія, чтобы сдѣлать разрывъ между Россіей и Англіей неминуемымъ, мысль о чемъ, безъ всякаго сомнѣнія улыбается „добродѣтельному Михелю“ и сулитъ ему радужныя перспективы.

Напримѣръ, самый умѣренный отзывъ былъ данъ „Koelniche Zeitung“: „Не слѣдуетъ составлять себѣ ни малѣйшей иллюзіи относительно критическаго характера положенія. Если русское правительство не дастъ полнѣйшаго удовлетворенія Англіи и не представитъ самыхъ вѣрныхъ гарантій для будущаго, то произойдетъ чрезвычайно важное столкновеніе. Въ Петербургѣ сознаютъ, что неопредѣленность при настоящемъ положеніи можетъ быть весьма опасна, тѣмъ болѣе, что Россія совершенно изолирована въ данномъ вопросѣ, такъ какъ ни одна держава не можетъ, да и не хочетъ хотя сколько-нибудь одобрить или извинить образъ дѣйствій русскихъ моряковъ. Выводъ, который слѣдуетъ изъ этого положенія вещей, ясенъ“.

Другія германскія газеты не были столь сдержанны въ своихъ выраженіяхъ. „Berliner Tageblatt“ называлъ заявленіе адмирала, будто бы у Гулля находились японскіе миноносцы, басней и разсуждалъ о галлюцинаціяхъ Рожественскаго. „Berliner Neueste Nachrichten“ полагалъ, что русскія отговорки становятся все болѣе и болѣе фантастичными. Спеціальный морской сотрудникъ этой газеты жестоко порицалъ образъ дѣйствій Рожественскаго. По его словамъ, русская эскадра лишена всякой школы, дисциплины и управленія. Всѣ объясненія и извиненія, данныя до сихъ поръ Рожественскимъ, показываютъ его неспособность управлять эскадрой.

Тѣмъ пріятнѣе остановиться на обширной статьѣ, которую помѣстилъ въ „Münchener Neueste Nachrichten“ извѣстный германскій публицистъ графъ Пфейль, спеціалистъ по военнымъ вопросамъ: „Рѣдкое событіе вызывало такой шумъ въ печати всѣхъ странъ, какъ это несчастное происшествіе въ Сѣ-

верномъ морѣ. Со всѣхъ сторонъ поднялся крикъ, потому только, что русскій флотъ, защищаясь отъ коварнаго нападенія враговъ, нанесъ, конечно, не желая этого, вредъ англійскимъ рыбакамъ. Однако, когда Японія безъ объявленія войны предательски напала на русскій флотъ, то молчали всѣ тѣ, кто кричитъ теперь.

„Нужно войти въ положеніе офицера, который приказалъ открыть огонь по подозрительнымъ судамъ. У него предъ глазами ярко стояло событіе у Портъ-Артура, когда непредусмотрительность и довѣрчивость повели къ такимъ плачевнымъ результатамъ. Вѣчный позоръ и стыдъ падетъ на него и его судно, если онъ допуститъ повтореніе такого случая! Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ читали мы во всѣхъ газетахъ, что японское правительство заказывало маленькіе разборные миноносцы, легко затѣмъ собираемые и которые могутъ быть спущены на воду съ какихъ угодно судовъ и въ какихъ угодно пунктахъ. Такія сообщенія появлялись каждую минуту. Понятно, что на русскихъ судахъ должна была царить бдительность и лозунгомъ должны были быть рѣшительность и энергія. И вотъ, при такомъ настроеніи, вблизи русскихъ судовъ появляются два миноносца, приготовляющіеся, по всѣмъ признакамъ, къ враждебнымъ дѣйствіямъ. Такъ оффиціально сообщаетъ русскій адмиралъ и ему, я думаю, мы можемъ вѣрить не меньше, чѣмъ англійскимъ рыбакамъ. Болѣе чѣмъ естественно, что при такихъ условіяхъ долженъ быть открытъ огонь.

„Нужно подумать только, что́ было бы, если бы дѣйствительно какой-нибудь маленькой торпедной японской лодкѣ удалось незамѣтно выполнить свое страшное губительное назначеніе! Какъ тогда осуждалась бы русская безпечность и непредусмотрительность?“

Французская печать проявила необыкновенное единодушіе въ отстаиваніи русскихъ интересовъ. Разбирая раздававшіяся по адресу адмирала Рожественскаго и по адресу Россіи обвиненія въ томъ, что между происшествіемъ въ Нѣмецкомъ морѣ и разъясненіемъ русскаго правительства прошло пять сутокъ, „Journal des Débats“ замѣчалъ: „Удивительно и съ точки зрѣнія международныхъ отношеній даже опасно, что никто не могъ понять невозможности для Россіи дать Англіи болѣе быстрое удовлетвореніе. Такое настроеніе по отношенію къ Россіи можетъ, при особо серьезныхъ обстоятельствахъ, дать поводъ къ непоправимымъ осложненіямъ. Русскій Императоръ выразилъ свое искреннее сожалѣніе по поводу происшествія

и обѣщалъ вознагражденіе пострадавшимъ. Поэтому, было бы куда приличнѣе ждать дальнѣйшаго хода событій, ждать, пока русское правительство имѣло бы въ рукахъ свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ, помимо допесеній англійскихъ моряковъ. Можно лишь очень сожалѣть о недостойномъ поведеніи тѣхъ, кто призванъ изображать общественное мнѣніе Англіи. Прискорбно уже и то, что нѣкоторые публицисты, совершенно невѣжественные въ дипломатическихъ вопросахъ и желающіе каждый день сообщать въ своихъ газетахъ что-либо новое, требовали русскаго отвѣта въ 24 часа. Но вслѣдъ за ними агитировали другіе органы, которые должны были бы сознавать свою отвѣтственность предъ страной. И это очень досадно. Такая поспѣшность невольно вызывала мысль о томъ, что всѣ эти господа были очень неувѣрены въ правотѣ Англіи и желали получить удовлетвореніе раньше, нежели на все происшествіе будетъ пролитъ полный свѣтъ".

Въ Англіи высмѣивали, да и еще и теперь высмѣиваютъ предположеніе, что Балтійская эскадра могла принять рыболовные пароходы за военныя суда. По этому поводу „Temps" замѣтилъ, что „въ такой ошибкѣ не было бы ничего удивительнаго. Рыболовный пароходъ легко преобразовать въ миноносецъ—для этого довольно установить на немъ минный аппаратъ. Съ другой стороны и настоящій миноносецъ не трудно замаскировать. Такъ, въ одной изъ атакъ на Портъ-Артуръ, въ ночь съ 12 на 13 февраля, нѣсколько японскихъ миноносцевъ подняли паруса, чтобы не быть замѣченными во время попытки проникнуть на рейдъ".

Даже „Rappel" находилъ довольно неприличнымъ отношеніе англійскихъ правящихъ сферъ къ гулльскому инциденту: „Только англичане способны пользоваться несчастнымъ случаемъ, чтобы кричать объ оскорбленіи ихъ національнаго флага. Вѣдь они сами же увѣрены, что эскадра не была послана бомбардировать мирныхъ рыбаковъ у береговъ Великобританіи, и что подобная бомбардировка могла произойти лишь по ошибкѣ, доля отвѣтственности за которую падаетъ, очевидно, на самихъ рыбаковъ. Слѣдовательно, крайне недобросовѣстно съ ихъ стороны требовать чего-либо большаго, чѣмъ обычнаго вознагражденія и обычныхъ извиненій".

Среди немногихъ разсудительныхъ статей, вызванныхъ въ европейской печати происшествіемъ въ Сѣверномъ морѣ, останавливаетъ на себѣ вниманіе письмо капитана итальянской морской службы Ронкальи, напечатанное въ „Popolo Romano". Выразивъ негодованіе на запальчивость и пристрастіе боль-

шинства итальянскихъ газетъ, напавшихъ на русскихъ моряковъ до выясненія дѣла, капитанъ Ронкальи сводитъ всѣ встрѣченныя въ печати обвиненія противъ русскихъ къ тремъ положеніямъ:

1) Только разнузданная фантазія могла увидѣть въ Сѣверномъ морѣ японскіе миноносцы.

2) Русская канонада была дѣломъ неслыханной жестокости, достойной развѣ пиратовъ.

3) Русское судно оставалось на мѣстѣ происшествія нѣсколько часовъ и не оказало ни малѣйшей помощи пострадавшимъ.

Разбирая каждое изъ этихъ обвиненій, итальянскій капитанъ говоритъ: „Каждое военное судно не только во время войны, но даже и среди полнаго мира, имѣетъ право требовать, чтобы встрѣчныя торговыя суда показывали свою національность и давали путь, и въ случаѣ неисполненія этого, открывать, затѣмъ, огонь. Итальянскимъ военнымъ судамъ во время русско-турецкой войны 1877—78 г.г. приходилось не разъ прибѣгать къ такимъ мѣрамъ противъ торговыхъ судовъ, не показывавшихъ своего флага, и это ни разу не вызывало ничьего протеста. Такимъ образомъ, дѣйствія русскаго адмирала нужно считать правильными даже въ томъ случаѣ, если суда, не исполнившія его законныхъ требованій, были не японскія, а нейтральныя. Но существуетъ полное вѣроятіе, что русскій огонь былъ вызванъ именно японскими миноносцами.

„По признанію самого Гаяши, не только въ Гуллѣ, но и на всемъ побережьи Сѣвернаго моря всюду есть японцы. Азіатская же безцеремонность японцевъ въ вопросахъ войны извѣстна всѣмъ. Кто не помнитъ, какъ 25 января, накануѣ отъѣзда японскаго посланника изъ Петербурга, явился въ Портъ-Артуръ японскій консулъ съ морскимъ офицеромъ, переодѣтымъ въ полицейское платье. Пользуясь русскимъ радушіемъ, эти соглядатаи высмотрѣли расположеніе русскихъ судовъ и немедленно передали свои наблюденія японскимъ миноносцамъ. Результатъ этого шпіонскаго дѣла извѣстенъ. Путь русской Балтійской эскадры мимо Доггербанка былъ японцамъ извѣстенъ. Что фантастичнаго въ томъ, если они снабдили нѣсколько рыбачьихъ судовъ минными приспособленіями и замѣшались среди мирной рыбачьей флотиліи? Напротивъ, такое предложеніе вполнѣ разумно и любой адмиралъ на мѣстѣ Рожественскаго былъ обязанъ имѣть его въ виду.

„Не менѣе нелѣпо и второе обвиненіе. Русскіе открыли огонь не противъ рыбачьей флотиліи, а противъ двухъ подо-

зрительныхъ судовъ, замѣшавшихся среди рыбачьихъ пароходовъ. Въ рыбаковъ же попадали только неизбѣжные, случайные выстрѣлы. Варварскую жестокость проявили не русскіе, поставленные въ положеніе законной обороны, а тѣ два судна, которыя предательски навлекли на рыбаковъ выстрѣлы направленные противъ злоумышленниковъ.

„Остается третье обвиненіе, что русскій миноносецъ, остававшійся на мѣстѣ происшествія, не подалъ пострадавшимъ помощи. Но теперь извѣстно, что этотъ миноносецъ не могъ быть русскимъ. Онъ не показалъ своей національности и скрылся къ утру, невѣдомо куда. Не ясно ли послѣ этого, чей это миноносецъ, и не возмутительны ли тѣ обвиненія, которыя за дѣйствія этого преступнаго судна возлагаютъ отвѣтственность не на виновнаго, а на русскихъ?“

Но если генералъ-адъютантъ Рожественскій подвергся остракизму почти всей иностранной печати, — если ему пришлось выслушивать несправедливыя и горькія слова не только отъ органовъ прессы, но даже въ устахъ нѣкоторыхъ англійскихъ министровъ, не исключая и Бальфура, если, наконецъ, ему пришлось болѣть сердцемъ подъ вліяніемъ подобныхъ озлобленныхъ выходокъ, то онъ былъ сторицею вознагражденъ за все тою телеграммою, которою Государь Императоръ осчастливилъ его и ввѣренную ему эскадру 15 октября, когда эта послѣдняя находилась на рейдѣ Виго. Краткія, задушевныя выраженія этой телеграммы изумительно вѣрно отразили тѣ чувства, которыя волнуютъ всю Россію въ настоящій моментъ: „Мысленно душою съ вами и Моею дорогою эскадрой. Увѣренъ, что недоразумѣніе скоро кончится.

„Вся Россія съ вѣрою и крѣпкою надеждою взираетъ на васъ.

НИКОЛАЙ“.

IV.

Какъ-же произошло у Доггеръ-банки то событіе, которое при нервномъ настроеніи англичанъ,—такъ нерѣдко проявлявшемся съ начала послѣдняго года на фонѣ колоссальной борьбы Россіи съ союзницей Великобританіи,—могло повести къ неисчислимымъ послѣдствіямъ и, быть можетъ, зажечь тотъ всемірный пожаръ, котораго и ждутъ, и боятся всѣ державы, такъ какъ предъ ихъ умственнымъ окомъ встаетъ неминуемое наслѣдіе огненнаго бича — гигантское пожарище, усѣянное жалкими обломками, пожалуй и многихъ зданій, блистающихъ нынѣ своими изукрашенными фасадами и кажущихся застрахованными отъ всякаго рода бѣдствій.

На основаніи появившихся въ печати разсказовъ очевидцевъ, какъ русскихъ офицеровъ, такъ и иностранцевъ можно теперь нарисовать съ достаточною полнотою грозную картину, развернувшуюся такъ внезапно въ одномъ изъ мирныхъ уголковъ Сѣвернаго моря.

Когда эскадра генералъ-адъютанта Рожественскаго двинулась въ свой дальній путь, въ Россіи имѣлись самыя подробныя свѣдѣнія о планахъ японцевъ о томъ, какъ во что-бы то ни стало задержать движеніе этой эскадры; получались также донесенія, что японскіе миноносцы прячутся въ норвежскихъ фіордахъ и что японцы нанимали рыбачьи суда въ Гамбургѣ, Гуллѣ, Соутгэмптонѣ, Христіаніи.

Съ разсвѣтомъ 6 октября эскадра снялась съ якоря и пошла Бельтомъ. Датское правительство приняло всѣ мѣры, чтобы охранить нейтралитетъ своихъ водъ, и русскую эскадру все время сопровождали мелкіе датскіе суда и пароходы, которые наблюдали за берегами, отгоняли рыбаковъ, станови-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

лись на якорь въ мелкихъ мѣстахъ и служили эскадрѣ дополнительными маяками. Весьма возможно, что, именно благодаря этимъ мѣрамъ предосторожности, наша эскадра и не подверглась нападенію въ Бельтѣ и къ 11 часамъ утра собралась на якорѣ у Скагена, гдѣ былъ полученъ отъ нашихъ агентовъ цѣлый рядъ тревожныхъ извѣстій, сходившихся въ томъ, что въ одномъ фіордѣ, очень глухомъ, видѣли четыре миноносца неизвѣстной національности, въ сопровожденіи парохода, и что они грузили уголь. Затѣмъ, пришло сообщеніе, что эти миноносцы были замѣчены въ недалекомъ разстояніи къ западу отъ мыса Скагена и что, наконецъ, какой-то пароходъ заходилъ въ одну изъ бухтъ норвежскаго берега, имѣлъ сношенія съ ожидавшимъ его парусным судномъ, послѣ чего оба поспѣшно ушли въ море.

Такъ какъ на ходу найти эскадру и причинить ей какой-либо вредъ гораздо труднѣе, чѣмъ при стоянкѣ на якорѣ, то вице-адмиралъ Рожественскій велѣлъ сниматься тотчасъ-же.

Двинулись въ путь не всѣ сразу, а эшелонами. Впереди всѣхъ ушли миноносцы, двумя отдѣльными группами, въ Шербургъ. Затѣмъ, отрядъ контръ-адмирала Фелькерзама, съ четырьмя болѣе старыми броненосцами, направился въ Танжеръ; отрядъ мелкихъ крейсеровъ, подъ командой капитана Шеина, пошелъ въ Арозо (бухта въ 40 миляхъ къ сѣверу отъ Виго), а большіе крейсера съ „Камчаткой“ (транспортъ-мастерская) съ контръ-адмираломъ Энквистомъ должны были идти также въ Танжеръ. Наконецъ, послѣдній отрядъ былъ составленъ изъ четырехъ лучшихъ броненосцевъ: „Князь Суворовъ“, подъ флагомъ командующаго эскадрой, „Императоръ Александръ III“, „Бородино“, „Орелъ“ и транспортъ „Анадырь“. Такимъ образомъ, при эскадрѣ не было ни одного мелкаго судна и ни одного миноносца.

Послѣдній отрядъ снялся съ якоря около 9 ч. вечера 7 октября.

Была ясная, тихая ночь и почти полная луна — при такой обстановкѣ можно было не бояться атаки. Опаснымъ временемъ было лишь время послѣ захода луны, т. е. съ 3 ч. ночи, до разсвѣта. Но тутъ помогла погода: передъ заходомъ луны нашелъ густой туманъ, продержавшійся до 10 ч. утра и при которомъ совершенно невозможно найти идущія суда, чтобы напасть на нихъ.

День 8 октября прошелъ благополучно. Было много встрѣчныхъ судовъ и масса рыбаковъ, но ничего подозрительнаго.

Къ вечеру задулъ южный вѣтеръ и развелъ небольшое волненіе; ночь наступила темная, густыя тучи заволокли все небо и лучи луны не могли пробиться черезъ нихъ, хотя горизонтъ былъ все-таки виденъ и на немъ опытный морской глазъ могъ различать силуэты встрѣчныхъ судовъ.

Около 8 ч. вечера, когда было совсѣмъ темно, адмиральскій отрядъ получилъ по безпроводному телеграфу извѣстіе, что транспортъ „Камчатка", отставшій, вслѣдствіе поврежденія въ машинѣ, отъ своего отряда (крейсеровъ „Дмитрій Донской" и „Аврора"), преслѣдуется миноносцами.

О томъ, что произошло съ „Камчаткой", сообщаетъ напечатанное въ „Figaro" и помѣченное изъ Танжера 2-мъ ноябремъ (н. с.) письмо голландскаго инженера Арнольда Кои (Кооу), который находился въ качествѣ завѣдующаго безпроводнымъ телеграфомъ, сначала на „Свѣтланѣ", а потомъ на „Камчаткѣ": „Было около 8 часовъ вечера или немного больше, когда послѣдовалъ приказъ изготовиться къ бою въ виду того, что по близости замѣчены были четыре небольшихъ судна, быстро шедшихъ намъ навстрѣчу. Мы дали холостой выстрѣлъ, чтобы заставить ихъ перемѣнить курсъ, но вмѣсто этого они направились прямо на насъ, несмотря на то, что мы, открыли убійственный огонь. Мало того, два судна пробились сквозь линію нашего огня. „Такъ вотъ я спрашиваю тебя (авторъ обращается къ адресату, опубликовавшему его письмо), могли ли въ данномъ случаѣ мы имѣть дѣло съ чѣмъ-либо инымъ, какъ не съ непріятельскими судами? Мы находились тогда на высотѣ Блавандсхука, въ 120 миляхъ отъ датскаго берега. При свѣтѣ прожектора я отлично разглядѣлъ два судна, прорвавшіяся сквозь линію нашего огня: то были миноносцы и, конечно, не русскіе. Когда одинъ изъ нихъ подошелъ еще ближе, я собственными глазами видѣлъ, какъ пущена была имъ мина. Если эта мина не причинила намъ вреда, то этимъ мы обязаны искусному маневру командира. Зато наши снаряды попадали въ цѣль такъ какъ этотъ миноносецъ долженъ былъ замедлить ходъ и отстать. Едва мы избавились отъ этой опасности, то же самое повторилось на другой сторонѣ судна, гдѣ оперировалъ другой миноносецъ, также выпустившій мину, но я не могъ ее видѣть самъ; нашъ огонь вскорѣ заставилъ его отступить. Не знаю, что сталось съ двумя другими миноносцами (ихъ было всего четыре), но я полагаю, что это тѣ самые, которые напали на эскадру адмирала Рожественскаго. Я собственными глазами видѣлъ, что это были миноносцы, я и теперь еще узналъ бы ихъ".

Точно также въ обширномъ письмѣ одного изъ младшихъ чиновъ, служащихъ на „Камчаткѣ“, напечатанномъ въ „Крымскомъ Вѣстникѣ“, говорится между прочимъ: „къ намъ съ обѣихъ сторонъ неслись навстрѣчу наперерѣзъ огоньки миноносцевъ; дружные выстрѣлы не подпускали ихъ близко. „Камчатка“ быстро шла впередъ самымъ полнымъ ходомъ. Когда блеснулъ свѣтъ нашего прожектора, я вполнѣ убѣдился, что насъ атакуютъ миноноски, одна шла за нами справа по кормѣ и старалась стать въ положеніе для выстрѣла миной. Она была въ 40—60 саженяхъ, когда на нее посыпались наши снаряды. Огни на ней потухли и она пропала во тьмѣ. На горизонтѣ виднѣлись отставшіе миноносцы: судя по огнямъ, они быстро догоняли насъ. Вырывавшійся свѣтлымъ пламенемъ дымъ короткихъ трубъ выдавалъ миноносцевъ, потушившихъ отличительные огни. Мы нѣсколько разъ клали руль совсѣмъ на бортъ, такъ какъ, уклоняясь вправо и влѣво, мы избѣгали перпендикулярнаго удара мины и въ то же время миноносецъ попадалъ подъ выстрѣлы всего борта: наши маленькія гранаты разрывались надъ миноносцами, освѣщая лишь на мигъ ихъ силуэтъ; миноносцы не отставали отъ насъ, пока двоимъ хорошо не попало. Комендоры божились, что двумъ нанесли поврежденія, что до остальныхъ, то поднявшійся сильный вѣтеръ и большія волны сдѣлали преслѣдованіе для нихъ невозможнымъ; снарядовъ выпустили мы 294 штуки и лишь этимъ спаслись“.

Какъ только командующій эскадрой получилъ радіограмму о происходящемъ нападеніи на „Камчатку“, сейчасъ-же по безпроводному телеграфу было приказано отряду контръ-адмирала Энквиста уменьшить ходъ и подождать „Камчатку“ или же продолжать идти дальше, чтобы не открыть себя миноносцамъ, которые, конечно, тоже принимали наши радіограммы, но не знали изъ какого мѣста онѣ идутъ. Какъ сообщилъ капитанъ Кладо въ письмѣ отъ 15—28 октября изъ Виго, появившемся въ „Новомъ Времени“, „японцы все-таки сдѣлали попытку узнать наше мѣсто. Въ то время, какъ мы переговаривались съ „Камчаткой“, мы вдругъ начали получать рядъ телеграммъ: „гдѣ эскадра“?, „покажите вашу широту и долготу“, „гдѣ мѣсто „Суворова“?“ на чистомъ русскомъ языкѣ и съ подписью „Камчатка“. Намъ эти телеграммы показались подозрительными и мы, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно-ли ихъ посылаетъ „Камчатка“, вмѣсто отвѣта, приказали передать намъ имя и отчество одного изъ офицеровъ „Камчатки“. На это послѣдовало полное молчаніе, вопросы

прекратились, а съ „Камчатки“ продолжались переговоры, по шифромъ, такъ что японцы ничего разобрать не могли. Очевидно, что вопросы телеграфировали намъ японцы, воспользовавшись нашими переговорами съ „Камчаткой“, и хотѣли узнать, гдѣ мы, т. е. броненосцы, до которыхъ они добирались“.

Впослѣдствіи, дѣйствительно, узнали, что съ „Камчатки“ никто ни о чемъ и не спрашивалъ.

Наблюденіе на эскадрѣ велось самымъ бдительнымъ образомъ, такъ какъ уже ранѣе были основанія ожидать нападенія именно въ эту ночь.

Въ 12 ч. 55 м. впереди эскадры были замѣчены, временно показывавшіеся на гребняхъ волнъ, два длинныхъ, темныхъ силуэта съ сильно стелющимся дымомъ, показывавшимъ, что это очень быстро идущія суда. Въ то же время поднялась зелено-красная ракета, обыкновенно пускаемая судами, находящимися въ бѣдственномъ положеніи. Черезъ секунду засвѣтился спереди лучъ электрическаго фонаря. Было ясно, что сигналами о бѣдствіи отрядъ вице-адмирала Рожественскаго завлекали къ извѣстному пункту и надѣялись, что онъ тутъ остановится. Лучи-же электрическаго фонаря, вѣроятно съ сопровождавшаго миноносцевъ парохода, должны были указать нападавшимъ миноносцамъ мѣсто нашей эскадры и слѣпить глаза прислугѣ нашихъ орудій.

Одинъ изъ очевидцевъ, г. Вл., описалъ въ „Руси“, что затѣмъ послѣдовало:

„Какъ только были открыты прожекторы, они почти тотчасъ-же освѣтили характерную горбатую палубу и три низенькія трубы миноносца. Слѣва открылся такой-же. Кромѣ ихъ, прожекторы освѣтили три однотрубныхъ парохода, небольшихъ, рыбачьяго типа, но ведшихъ себя крайне странно: они шли безъ огней прямо на эскадру, съ явнымъ намѣреніемъ прорѣзать строй. У насъ пробили атаку и открыли по миноносцамъ огонь. Въ это время одинъ изъ пароходовъ успѣлъ проскочить подъ носомъ „Суворова“, а другой стремился прорѣзать линію слѣва на право, между броненосцами „Императоръ Александръ III“ и „Бородино“, но это ему не удалось. Выходило какъ-будто каждый изъ пароходовъ прикрываетъ соотвѣтственный миноносецъ. Мы цѣлили недурно; по крайней мѣрѣ, одинъ миноносецъ безслѣдно исчезъ на довольно близкой дистанціи, другой-же, повидимому, успѣлъ уйти. Прожекторы его потеряли и больше найти не могли. Какъ только миноносцы исчезли, огонь продолжался менѣе 10 минутъ. Поведеніе паро-

ходовъ было чрезвычайно подозрительное: пять огромныхъ судовъ идутъ въ кильватерномъ строю, а мирные рыбачьи пароходы лѣзутъ прямо на нихъ и стремятся прорѣзать строй, съ рискомъ быть раздавленными. Ихъ освѣщаютъ прожекторы, кругомъ свистятъ и рвутся снаряды, а пароходы не спѣшатъ удалиться отъ эскадры, а продолжаютъ идти прежнимъ курсомъ, какъ ни въ чемъ не бывало".

Обстоятельство это подтверждаетъ и лейтенантъ Энгбертъ, бывшій офицеръ прусской службы, а нынѣ состоящій инженеромъ по части безпроводной телеграфной службы въ нашемъ балтійскомъ флотѣ. Въ своемъ письмѣ, появившемся въ „Berliner Lokal Anzeiger", онъ прямо заявилъ: „При свѣтѣ прожекторовъ мы открыли также присутствіе десяти небольшихъ пароходовъ, которые шли безъ огней и держали курсъ прямо на наши суда, видимо, стараясь догнать ихъ. Тутъ во всякомъ случаѣ мы имѣли дѣло не съ рыбаками.

„Что могло-бы побудить рыбаковъ къ ночному плаванію безъ огней? Экипажъ этихъ пароходовъ, за исключеніемъ одного, проявилъ большую храбрость и, повидимому, рѣшилъ во что-бы то ни стало догнать насъ. Послѣ перваго нашего выстрѣла одинъ изъ пароходовъ зажегъ фонари и подалъ сигналъ, т. е. сдѣлалъ то, что обязанъ сдѣлать каждый рыболовный пароходъ. Но остальные пароходы держали себя иначе. Съ удивительной выдержкой они шли подъ градомъ гранатъ. Развѣ такъ дѣйствуютъ ни въ чемъ неповинные рыбаки?

„Я стоялъ на палубѣ „Орла" и видѣлъ, что эти мнимые рыбаки послѣ канонады, продолжавшейся 10 минутъ, взяли курсъ параллельный нашему, хотя гранаты продолжали падать. Заслуживаетъ особеннаго вниманія и тотъ фактъ, что на нихъ не было вовсе видно людей. Рыбаки вѣдь несомнѣнно бросились бы на палубу и стали-бы давать сигналы. Нѣтъ, экипажъ этихъ судовъ состоялъ изъ японцевъ, задавшихся опредѣленною цѣлью, для достиженія которой они рѣшили пожертвовать собою. Гибель хотя-бы одного изъ русскихъ большихъ броненосцевъ—вотъ что было имъ нужно; они знали какое это было-бы несчастіе для Россіи"!

Самъ вице-адмиралъ Рожественскій охарактеризовалъ все происшедшее въ ту достопамятную ночь въ слѣдующемъ сообщеніи, сдѣланнымъ имъ 15-го октября въ Виго корреспонденту „Central News": „Въ часъ ночи 9-го октября въ нѣмецкомъ морѣ на 55° 18′ ширины и 52° 42′ долготы съ флагманскаго судна были открыты два миноносца, шедшихъ полнымъ ходомъ безъ огней. Какъ только они были

освѣщены прожекторами, они бросились въ сторону, но были провожаемы лучами и огнемъ всего отряда. Вскорѣ одинъ миноносецъ пошелъ ко дну, а другой исчезъ изъ виду. Въ это время въ лучахъ электрическихъ фонарей стали показываться рыболовныя паровыя суда, пересѣкавшія путь эскадръ; хотя нѣкоторыя изъ нихъ были безъ огней, но съ флагманскаго судна были даны сигналы не стрѣлять по нимъ. Для этой цѣли прожекторы опускались внизъ и тотчасъ же поднимались на 45 градусовъ вверхъ. Другихъ мѣръ огражденія мирныхъ гражданъ, неосторожно вовлеченныхъ въ дѣло, нельзя было принять, такъ какъ стрѣльба всего отряда продолжалась менѣе 10 минутъ. Какъ я, такъ и офицеры эскадры глубоко сожалѣютъ о невинно пострадавшихъ при этомъ покушеніи нашего противника".

V.

Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ сообщеніе адмирала Рожественскаго, англійская печать дружнымъ хоромъ обрушилась на него, не находя достаточно сильныхъ словъ, чтобы осмѣять заявленіе адмирала о присутствіи въ Сѣверномъ морѣ японскихъ миноносцевъ.

Отставной вице-адмиралъ германскаго флота Кюпе прочелъ въ Любекѣ въ концѣ октября докладъ, въ которомъ первымъ выступилъ противъ ироническаго отношенія къ увѣреніямъ русскихъ моряковъ, что имъ пришлось отразить формальное нападеніе японскихъ миноносцевъ. „Прежде всего" говорилъ онъ, „адмиралъ Рожественскій получилъ изъ разныхъ странъ предостереженія относительно нападенія японцевъ въ европейскихъ водахъ. Вдобавокъ, японцамъ вовсе не нужно было обзаводиться настоящими миноносцами: достаточно прикрѣпить къ любому пароходу минный аппаратъ, чтобы сдѣлать изъ парохода опаснаго врага для Балтійской эскадры".

И дѣйствительно, помѣщенная въ „Petit Journal" телеграмма изъ Копенгагена передавала, что датское морское министерство было увѣдомлено, что нѣсколько судовъ было нанято японцами въ Гуллѣ для того, чтобы напасть на русскую эскадру въ Сѣверномъ морѣ. Тоже свѣдѣніе было получено и германскимъ адмиралтействомъ. Кромѣ того, датское морское министерство было оффиціально извѣщено о томъ, что японцы наняли 13 шведскихъ судовъ для нападенія на

русскую эскадру. Послѣдней мѣрѣ предшествовало появленіе въ шведскихъ портахъ прошлымъ лѣтомъ многихъ японцевъ, переѣзды которыхъ изъ одного мѣста въ другое уже тогда возбудили всеобщее вниманіе. Нѣсколько недѣль спустя, японцы стали проявлять усиленную дѣятельность въ датскихъ портахъ. Двое японцевъ были даже арестованы датской полиціей, но, въ виду отсутствія противъ нихъ какихъ-либо опредѣленныхъ уликъ, они были выпущены на свободу.

Изъ приведеннаго выше описанія очевидцами какъ нападенія на „Камчатку“, такъ и происшествія у Доггеръ-банки и изъ массы сообщенныхъ подробностей, видѣнныхъ при этомъ собственными глазами многими русскими и иностранными офицерами, для всякаго не предубѣжденнаго человѣка вполнѣ ясно, что русскимъ пришлось имѣть дѣло не съ переодѣтыми, такъ сказать, а съ самыми настоящими миноносцами. Русскій лейтенантъ Отть, приказавшій стрѣлять съ „Анадыря“ по подозрительнымъ судамъ, встрѣченнымъ у Доггеръ-банки, заявилъ категорично, что видѣлъ какъ миноносецъ, получившій вторую гранату, пытался уйти на всѣхъ парахъ, причемъ огонь вылеталъ изъ всѣхъ его четырехъ трубъ. Поэтому нельзя было смѣшать его съ рыбачьими лодками. Вообще, наружный видъ рыбачьихъ пароходовъ такъ рѣзко отличается отъ очертаній военныхъ судовъ, что нельзя допустить мысли, что русскіе офицеры могли смѣшать ихъ: рыбачьи суда вдвое короче миноносцевъ, имѣютъ одну дымовую трубу и мачту съ паруснымъ вооруженіемъ; длинные и узкіе миноносцы, съ возвышеннымъ носомъ, двумя, тремя или четырьмя трубами, пушками на верхней палубѣ и одной голой сигнальной мачтой, сразу бросятся въ глаза каждому моряку. Точно также было бы трудно смѣшать миноносцы съ мирными торговыми пароходами, грузовыми или пассажирскими. Наконецъ, если бы такая печальная случайность даже и произошла, то пострадавшіе пароходы давно бы уже дали знать о себѣ.

Возникшее среди англичанъ предположеніе, что стрѣльба производилась, по ошибкѣ, въ русскіе миноносцы, принятые въ темнотѣ за чужіе, тоже недопустимо, такъ какъ, когда случилось происшествіе на Доггеръ-банкѣ, миноносцы эскадры адмирала Рожественскаго были уже далеко оттуда. Изъ Либавы вышло съ эскадрой восемь миноносцевъ: изъ нихъ пришли затѣмъ въ Танжеръ лишь семь, потому что восьмой миноносецъ потерпѣлъ аварію до выхода изъ датскихъ водъ и вернулся опять въ Либаву, вмѣстѣ съ ледоколомъ „Ермакъ“,

какъ объ этомъ сообщалось своевременно. Стало быть, если одинъ миноносецъ былъ потопленъ выстрѣлами съ эскадры, то онъ никакъ не могъ быть русскимъ.

Показанія свидѣтелей рыбаковъ сбивчивы: одни утверждаютъ, что въ моментъ происшествія вблизи рабочей флотиліи не было никакихъ миноносцевъ, тогда какъ другіе признаютъ, что миноносцы дѣйствительно были, но только они считали ихъ за русскіе. Припомнимъ первыя, приведенныя уже мною, показанія капитана судна „Moulmein“ которыя, по объясненнымъ ранѣе соображеніямъ, представляются мнѣ наиболѣе достовѣрными. Тогда онъ говорилъ, что какъ только показалась русская эскадра и засвѣтились электрическіе прожекторы, рыбаки увидѣли какъ къ нимъ приблизились суда, показавшіяся имъ миноносцами, какъ они подошли къ „Moulmein“, какъ будто для того, чтобы пристать къ нему, какъ затѣмъ соединились съ эскадрой, которая вслѣдъ за этимъ открыла огонь. Такъ какъ русская миноносная флотилія въ ночь происшествія была уже въ Брестѣ, то замѣченныя рыбаками суда не могли быть русскими. Въ то же время ни одна изъ нейтральныхъ державъ не заявила до сихъ поръ о потерѣ или аваріи какихъ-либо своихъ миноносцевъ, такъ что національность сомнительныхъ судовъ становится вполнѣ ясной. Вся же описанная рыбаками сцена дѣлается понятна и логична, если вмѣсто казавшихся имъ русскими миноносцевъ, мы допустимъ, что это были миноносцы японскіе. При такой гипотезѣ понятно, что приближавшіяся къ „Moulmein“ суда хотѣли не пристать къ нему, а спрятаться за нимъ, послѣ же того не соединились съ русской эскадрой, а бросились на нее для нападенія, чѣмъ и вызвали огонь съ ея стороны.

Лучшее доказательство, что миноносцы существовали на дѣлѣ, а не въ воображеніи русскихъ моряковъ, служитъ претензія тѣхъ рыбаковъ, заявленная печатно, что оставленный русскими на мѣстѣ происшествія миноносецъ пробылъ тамъ до утра и не оказалъ рыбакамъ никакой помощи. Съ русской эскадрой не было не только ни одного миноносца, но и ни одного мелкаго судна. Кто-же оставался? Очевидно тотъ, кого русская эскадра потеряла изъ лучей прожекторовъ. Онъ или исправлялъ свои поврежденія, или искалъ товарища, котораго эскадра, какъ кажется, потопила.

Имѣются еще и другія указанія на присутствіе японскихъ миноносцевъ у Доггеръ-банки. Такъ, помощникъ шкипера норвежскаго судна „Adela“ Христіансенъ, за два дня до проис-

шестія, видѣлъ около береговъ Норвегіи два японскихъ миноносца, направившихся на югъ. Затѣмъ, существуетъ донесеніе тайнаго агента, цѣликомъ взятое, по его словамъ, изъ депеши, посланной въ Японію японскимъ посланникомъ въ Лондонѣ Гаяши. Вотъ содержаніе этого документа: „Четыре миноносца съ экипажемъ, состоявшимъ изъ японцевъ и англичанъ, съ англійскими лоцманами и кочегарами, отплыли отъ англійскихъ береговъ въ самый день Высочайшаго смотра Балтійской эскадры, чтобы до прибытія этой эскадры занять извѣстные пункты въ проливѣ (по всей вѣроятности, датскомъ). Два миноносца остались крейсировать въ самомъ проливѣ, а остальные два стали на пути эскадры. За пять дней до прихода эскадры генералъ-адъютанта Рожественскаго въ датскія воды, семь рыбачьихъ пароходовъ, купленныхъ еще въ іюлѣ, нагруженныхъ углемъ и провизіей, съ экипажемъ изъ рыбаковъ, съ сѣтями и подъ командой японскихъ офицеровъ, вышли изъ Гулля, чтобы отвезти уголь и провизію миноносцамъ. Эти пароходы были снабжены минными аппаратами и имѣли метательныя мины.

„При проходѣ эскадры чрезъ датскія воды миноносцы были лишены возможности исполнить свой планъ. Тогда два миноносца продолжали свой путь, а два другихъ несли сторожевую службу по сторонамъ обычнаго пути. Замѣтивъ, что часть эскадры отошла отъ главнаго пути на 50 или 60 миль, два миноносца, въ соединеніи съ третьимъ, пытались ночью напасть на эту часть эскадры и подверглись обстрѣлу. Одинъ миноносецъ потонулъ, другой потерпѣлъ серьезныя поврежденія и потонулъ къ утру, высадивъ экипажъ на одинъ изъ пароходовъ. Третій присоединился къ миноносцу, на которомъ находился командиръ всей японской флотиліи. Два уцѣлѣвшихъ миноносца достигли Портсмута для сопровожденія пароходовъ, отправляющихся съ грузомъ военныхъ припасовъ въ Японію. Изъ судовыхъ списковъ въ Гуллѣ можно узнать, кому были проданы семь рыбачьихъ пароходовъ и освѣдомиться о фамиліи бывшихъ на нихъ лоцмановъ“. („Standard“).

Относительно офицеровъ и команды миноносцевъ можно найти два указанія.

Въ номерѣ отъ 17 сентября американской газеты „New York Sun“ на стр. 2 напечатано: „Въ ожиданіи Балтійской эскадры; говорятъ, что японская миноноска будетъ находиться въ готовности.“

„Эбердинъ. 16 сентября 1904 г. Сегодня прибывшій сюда на пароходѣ „Hagarth“ пассажиръ сообщаетъ, что на томъ-же

пароходѣ находились два японскихъ офицера и девять нижнихъ чиновъ, сѣвшихъ на пароходъ въ Лондонѣ.

„Немедленно по прибытіи въ Эбердинъ всѣ эти лица спрыгнули въ небольшую лодку и тотчасъ-же направились на ней къ какой-то таинственной, низкобортной посудинѣ, стоявшей въ ожиданіи на взморьѣ, очевидно, торпедной лодкѣ, которая, принявши команду, сейчасъ-же снялась и вышла въ море.

„Здѣсь думаютъ, что японцы намѣреваются подстеречь прохожденіе Балтійской эскадры".

Вторымъ указаніемъ было извѣстіе „Petit Journal" сообщавшее, что вышедшій въ началѣ октября изъ одной изъ германскихъ гаваней пароходъ и объявившій мѣстомъ своего назначенія Сенегалъ, по приходѣ въ Гулль спустилъ на берегъ двадцать японскихъ офицеровъ. Оставивъ ихъ, пароходъ продолжалъ свой путь. По моимъ личнымъ свѣдѣніямъ, на этомъ-же пароходѣ ѣхало одно лицо, состоящее на русской государственной службѣ. Прочіе пассажиры, не подозрѣвая происхожденія этого лица, не стѣсняясь предъ нимъ, вели разговоры, вовсе не скрывая, что они японскіе офицеры. По прибытіи въ Гулль ихъ уже не было на борту, оказалось, что на разсвѣтѣ они пересѣли въ катеръ, спеціально для нихъ подошедшій къ пароходу.

VI.

Такъ какъ весьма многіе заинтересованы въ томъ, чтобы все касающееся присутствія японскихъ миноносцевъ въ Сѣверномъ морѣ было окутано полнѣйшею тайною и такъ какъ они опасались какъ-бы истина всетаки не пробилась какимъ-нибудь образомъ наружу, то заблаговременно стали распускаться слухи, что будто-бы въ Гулль прибыли агенты русскаго правительства и пытались подкупить рыбаковъ къ дачѣ ложныхъ показаній: они будто-бы щедро поили рыбаковъ виномъ, добиваясь отъ нихъ заявленія, что рыбачья флотилія помогала японцамъ скрыть свои миноноски. При этомъ будто-бы не жалѣли денегъ и пятидесяти рублевыя бумажки сыпались какъ снѣгъ.

Корреспондентъ, враждебно относящейся вообще къ Россіи, газеты „Daily Mail", видѣлъ двухъ англичанъ Уельша и Беннета, которыхъ обвиняютъ въ подкупѣ свидѣтелей; оба они съ негодованіемъ отрицали будто они подпаивали рыбаковъ и раздавали имъ деньги. Десять рыбаковъ, какъ это было уже

раньше извѣстно изъ газетъ, утверждали, что въ ночь на 8 октября они видѣли у Доггеръ-банки среди рыбачьихъ судовъ миноносецъ или даже нѣсколько минныхъ судовъ. Четверо изъ нихъ, по собственному почину, выразили желаніе, въ случаѣ нужды, подтвердить это показаніе присягой. Одинъ изъ нихъ, а именно боцманъ съ парохода „Ava“, и далъ такое присяжное показаніе предъ commissioner of oaths (судебнымъ чиновникомъ, предъ которымъ даютъ внѣ-судебныя показанія) и въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей: трое дали такое-же показаніе передъ русскимъ консуломъ. Остальные шестеро побоялись дать показанія въ пользу русскихъ, опасаясь пойти противъ желаній хозяевъ рыбачьей флотиліи.

Уельшъ и Беннетъ согласились подвергнуться по этому-дѣлу перекрестному допросу; по словамъ корреспондента „Daily Mail“: „въ теченіе цѣлаго часа они давали прямые, искренніе и совершенно ясные отвѣты на всевозможные вопросы. Искренность обоихъ совершенно очевидна“. „Уельшъ и я, сказалъ Беннетъ“, въ этомъ дѣлѣ помогаемъ русскому правительству. Мы уже четыре раза ѣздили въ Гулль по дѣлу, имѣющему отношеніе къ событію 8 октября. Въ первый разъ мы были тамъ 22 ноября и въ гостинницѣ „Suitor's Home“ слышали, какъ рыбаки съ флотиліи Gamecock и другихъ открыто и безъ всякаго стѣсненія разсказывали о присутствіи въ ночь съ 8 на 9 октября на Доггеръ-банкѣ японскихъ миноносцевъ. Это заставило насъ обратить на ихъ разговоры вниманіе и познакомиться съ тѣми изъ рыбаковъ, которые сами лично видѣли миноносцы. Во время второй поѣздки въ Гулль мы встрѣтили тамъ трехъ рыбаковъ, которые, какъ намъ сказали, были готовы подтвердить подъ присягой, что они видѣли японскіе миноносцы. Мы прямо заявили этимъ рыбакамъ, что приглашены русскимъ правительствомъ для собиранія свѣдѣній о происшествіи 8 октября и предложили имъ идти къ русскому консулу и заявить передъ нимъ о томъ, что они знаютъ. Разговоръ этотъ велся открыто въ трактирѣ, гдѣ естественно были и другія лица. Рыбаки согласились идти къ русскому консулу и сказали при этомъ, что имъ должны заплатить за потерю времени. Мы отвѣтили имъ, что имъ будетъ заплачена обыкновенная поденная рабочая плата, такъ что они ничего не потеряютъ. Тогда они пошли съ нами къ консулу и дали у него показанія. Во время допроса мы не присутствовали и не знаемъ, что они показали. Двумъ изъ нихъ мы уплатили 12 шилинговъ 6 пенсовъ каждому, т. е. поденную плату, которую они потеряли, оставшись въ этотъ день

безъ работы. Третій получилъ за потерю времени и безпокойство 5 шилинговъ 6 пенсовъ. Все это, въ свое время, было записано въ нашей книжкѣ".

Въ слѣдующее посѣщеніе Гулля Уельшъ и Беннетъ остановились въ другой гостинницѣ: „мы услыхали, что боцманъ съ парохода „Ava" говорилъ, что видѣлъ 8 октября на Доггеръ-банкѣ японскіе миноносцы, и пошли къ нему на квартиру. Онъ вышелъ къ намъ на улицу и мы сказали ему причину нашего посѣщенія.

„Мы просимъ васъ сказать намъ правду",—сказалъ я ему. „Боцманъ былъ совершенно трезвъ. Онъ сказалъ, что въ то самое время, когда тонулъ пароходъ „Crane", онъ видѣлъ среди рыбачьихъ судовъ миноносецъ. Мы спросили его тогда, подтвердитъ-ли онъ свое показаніе присягой, и онъ сказалъ, что подтвердитъ. На другой день утромъ мы опять пришли къ нему и пригласили его идти съ нами къ присяжному комиссару. Онъ сказалъ: „мнѣ надо идти на судно и я не могу терять даромъ времени". Мы тогда обѣщали ему заплатить за потерянный день. Но онъ возразилъ, что можетъ потерять работу на своемъ суднѣ и тогда этотъ день обойдется ему въ недѣлю.

„Я предложилъ ему тогда соверенъ (9 рублей), но онъ сказалъ, что это не вознаградитъ его, если онъ потеряетъ мѣсто. Тогда я лично отъ себя предложилъ ему два фунта стерлинговъ (19 рублей), хотя и не имѣлъ на это права, послѣ чего онъ согласился дать присяжное показаніе, и мы пошли къ присяжному комиссару. Комиссаръ записалъ все его показаніе, фразу за фразой, и каждую прочитывалъ ему вслухъ. А когда было записано все показаніе, то онъ опять медленно прочелъ его еще разъ съ начала до конца. Боцманъ сказалъ, что все записано вѣрно, и подписалъ свое показаніе. Вслѣдъ затѣмъ онъ пошелъ къ русскому вице-консулу и повторилъ передъ нимъ данное у присяжнаго комиссара показаніе. Послѣ этого онъ получилъ за потерю времени два фунта стерлинговъ.

„Во время трехъ нашихъ поѣздокъ въ Гулль мы все время слышали разговоры рыбаковъ, что на Доггеръ-банкѣ во время происшествія были японскіе миноносцы, и по крайней мѣрѣ десять человѣкъ утверждали, что сами видѣли—кто одинъ, а кто нѣсколько миноносцевъ. Только они боялись идти къ присяжному комиссару и подписать свои заявленія, такъ какъ хозяева рыбачьихъ судовъ почему-то желали, чтобы была извѣстна только одна сторона дѣла.

„Когда же мы поѣхали въ Гулль въ четвертый разъ, въ газетахъ напечатали, будто мы подкупаемъ рыбаковъ и намъ намекнули, что насъ бросятъ въ воду, если мы появимся въ докахъ. Поэтому мы и вернулись назадъ въ Лондонъ".

Что въ Лондонѣ имѣлись лица, которымъ дѣятельность Беннета была очень не по нутру, видно изъ лондонской телеграммы газеты „Matin", сообщавшей, что 11—24 декабря Беннетъ подалъ въ полицейскій участокъ на Леманъ-стритъ формальную жалобу на двухъ неизвѣстныхъ, которые напали на него и отняли портфель съ документами, причемъ не сдѣлали ни малѣйшей попытки ограбить его или отнять его деньги.

Вообще, какъ кажется, въ Лондонѣ не останавливаются ни передъ какимъ средствомъ, чтобы зажать ротъ истинѣ. На это намекаетъ и газета „The Universe" словами: „смѣло можно утверждать, что еслибы команда „Moulmein" не поспѣшила со своимъ правдивымъ заявленіемъ о видѣнныхъ ею въ ночь на 9-ое октября миноносцахъ, то ей бы навѣрное хорошо заплатили за ея молчаніе. Пожалуй и теперь еще попытаются прибѣгнуть къ этому могучему средству".

Не этимъ-ли обстоятельствомъ объясняется послѣдующая неразговорчивость команды „Moulmein", столь рѣзко отличающаяся отъ первыхъ показаній, данныхъ безотносительно къ какимъ-либо постороннимъ вліяніямъ?

Въ недавнюю бытность мою въ Лондонѣ мнѣ довелось узнать, что японскіе эмиссары дѣлали многимъ матросамъ предложенія о заключеніи контракта, которымъ обусловливалось, что этотъ матросъ обязуется, немедленно по полученіи приказанія, поступить на одно иностранное судно и выйти на немъ въ море. Одинъ изъ приписанныхъ къ лондонскому порту матросовъ заявлялъ о томъ, какъ говорятъ, нашему тамъ морскому агенту.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней существовало предположеніе, что нашлось вещественное доказательство нападенія японскихъ миноносцевъ на Балтійскую эскадру. Пришло извѣстіе, что къ датскому берегу близъ Хьерринга прибило моремъ мину. Датское правительство послало даже канонерку „Guldborgsund" спеціально для того, чтобы привезти эту мину въ Копенгагенъ для изслѣдованія. Къ сожалѣнію, оказалось, однако, что эта мина не боевая, а учебная, и что вмѣсто патрона съ взрывчатымъ веществомъ на концѣ ея находится свинцовая пробка съ петлей для прикрѣпленія веревки, при помощи которой мину можно притягивать обратно на судно, съ

котораго она была выпущена. Тщательное ея изслѣдованіе установило, что мина эта принадлежала, по всей вѣроятности, какому-либо учебному судну германскаго или англійскаго флота.

Противники мысли о нахожденіи японскихъ миноносцевъ въ Сѣверномъ морѣ возбуждали вопросъ, какимъ образомъ могли бы тамъ очутиться такіе миноносцы, такъ какъ всѣ слухи о нахожденіи японскихъ военныхъ судовъ въ водахъ Англіи, Швеціи и Норвегіи категорически опровергаются оффиціальными заявленіями правительствъ этихъ странъ.

Конечно, едва-ли возможно допустить, что японскіе миноносцы явились къ Доггеръ-банкѣ подъ своими парами, такъ какъ имъ для этого пришлось бы сдѣлать вокругъ мыса Доброй Надежды около 20000 миль. А такъ какъ лучшія миноносныя суда имѣютъ радіусъ плаванія не свыше 3500 миль, то для пополненія своихъ угольныхъ ямъ они должны были бы заходить по пути нѣсколько разъ въ порты африканскаго побережья. Скрыть движеніе миноносной флотиліи на протяженіи 20000 миль при такихъ условіяхъ представляется маловѣроятнымъ, а иностранные консула не преминули бы донести о томъ своимъ правительствамъ.

Допустимо скорѣе другое предположеніе: миноносцевъ могли сопровождать нѣсколько угольныхъ транспортовъ изъ огромнаго коммерческаго флота Японіи. Транспорты, не возбуждая пичьихъ подозрѣній, могли пополнять свои запасы въ нейтральныхъ портахъ и перегружать уголь на миноносцы въ открытомъ морѣ.

Наконецъ, японцы могли погрузить нѣсколько миноносцевъ среднихъ размѣровъ на большія транспортныя суда и въ полной безопасности доставить ихъ куда-нибудь въ Сѣверное море. Съ этимъ соображеніемъ не лишне сблизить цитированное выше свѣдѣніе, неоднократно появлявшееся во всѣхъ газетахъ, что японское правительство заказывало маленькіе разборные миноносцы, легко затѣмъ собираемые, которые могутъ быть спущены въ воду съ какихъ угодно судовъ и въ какихъ угодно пунктахъ.

Остается, впрочемъ, еще одно предположеніе, едва ли не самое вѣроятное, а именно, что японскіе миноносцы, игравшіе роль у Доггеръ-банки, были пріобрѣтены въ Европѣ. Такое предположеніе было между прочимъ сдѣлано въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ [1]) управляющимъ

---

[1]) Биржевыя Вѣдомости. 18 октября 1904.

дѣлами комитета Дальняго Востока, контръ-адмираломъ Абазой, который добавилъ: „конечно, это только предположеніе, что суда эти пріобрѣтены въ Европѣ. За Францію мы можемъ поручиться, что она этого не сдѣлала бы, Германія также; не могли сдѣлать этого ни Данія, ни Голландія. Такимъ образомъ, вопросъ остается открытымъ впредь до выясненія, котораго ожидать довольно трудно, такъ какъ тамъ, гдѣ суда изготовлялись и были проданы, приняты, безъ сомнѣнія, всѣ мѣры къ сохраненію этого въ тайнѣ".

Не раскрываетъ ли нѣсколько загадки происхожденія миноносцевъ, о которыхъ идетъ рѣчь, письмо князя Д. Д. Оболенскаго, появившееся въ октябрѣ 1904 года въ „Волжскомъ Листкѣ"? Вотъ это письмо in extenso: „Въ февралѣ сего года, только что началась война, одна очень извѣстная англійская фирма, занимающаяся кораблестроеніемъ, прислала своего агента въ Петербургъ предложить русскому правительству продать ему съ своей частной верфи 10 миноносцевъ (ходъ 32 узла), 2 контръ-миноносца и 2 крейсера. Агентъ этой фирмы, русскій отставной офицеръ, [1]) усиленно хлопоталъ о продажѣ этихъ судовъ, ибо ему было сказано, что если въ Петербургѣ не купятъ, то японцы съ удовольствіемъ возьмутъ ихъ. Агентъ обратился ко мнѣ за содѣйствіемъ, такъ какъ я когда-то занимался крупными дѣлами, и я далъ ему кой-какія указанія.

„Морское министерство заинтересовалось этимъ предложеніемъ и занялось выкладками и расчетами, относительно быстроходности миноносокъ, а вся наша бѣда именно въ томъ, что наши миноноски идутъ тише японскихъ. Я же съ своей стороны обратился въ Москвѣ къ городскому головѣ и нѣсколькимъ вліятельнымъ лицамъ биржи, предлагая имъ купить эти миноноски и поднести ихъ въ подарокъ русскому флоту, на усиленіе котораго именно Москва и собирала деньги. Случай былъ прекрасный — деньги прямо угодили бы въ цѣль, да и фирмѣ англійской покупка судовъ частными лицами облегчила бы выводъ этихъ судовъ изъ англійскихъ гаваней. Но, какъ всегда, пошла безконечная переписка и дѣло кончилось тѣмъ, что агентъ получилъ телеграмму отъ фирмы, что миноносцы проданы... Японіи. При этомъ еще узнали, что миноносцы эти подъ разными благовидными предлогами направлены въ Швецію, причемъ указывали даже гавань Вардэ. Я тогда же обратилъ на это вниманіе

[1]) И. А. Бургхардтъ.

кого слѣдуетъ, но никто, кажется, серьезно не вѣрилъ въ это сообщеніе.

„Прочтя сообщеніе объ инцидентѣ съ нашей эскадрой, я невольно вспомнилъ миноносцы, отправленные въ Швецію, а можетъ быть и оставшіеся въ Англіи до удобнаго момента“,

Безпристрастныя англійскія газеты, давно уже указывали что близкій къ Гуллю Ньюкастль съ Тайнсайдомъ — это японскій Портсмутъ по количеству строящихся тамъ японскихъ военныхъ судовъ и множеству тамъ проживающихъ ученыхъ японскихъ офицеровъ, слѣдящихъ за работой.

„The Universe“ говорилъ, правда, что *открыто* Англія не имѣетъ права передать эти суда своей союзницѣ, но вѣдь всему міру доподлинно извѣстно, что, въ случаѣ надобности, Великобританія не привыкла стѣсняться этическими соображеніями.

Главнымъ аргументомъ перваго министра Великобританіи, Бальфура, противъ присутствія на Доггеръ-банкѣ японскихъ миноносцевъ была невозможность будто-бы для Японіи провести торпедныя лодки въ Сѣверное море безъ вѣдома Англіи.

Теперь уже всѣмъ извѣстно, что возможность такого факта блистательно была доказана однимъ русскимъ агентомъ, доставившимъ въ Либаву прекрасное быстроходное судно „Carolina“.

Вслѣдъ за возникновеніемъ гулльскаго инцидента, лондонскій корреспондентъ петербургской газеты „Новости“ сообщилъ о таинственномъ исчезновеніи двухъ турбинныхъ лодокъ, находившихся на верфяхъ Ярроу въ устьѣ Темзы.

Владѣлецъ этихъ верфей въ письмѣ на имя редактора „Daily Graphic“ поспѣшилъ тогда-же опровергнуть названное сообщеніе, имѣющее чрезвычайно важное значеніе для опредѣленія факта, могли-ли японцы безъ вѣдома англійскаго правительства вообще пріобрѣсти миноноски въ англійскихъ водахъ.

Между тѣмъ, $^{8}/_{21}$ ноября въ одной изъ американскихъ газетъ появилась краткая замѣтка о доставкѣ одного контръминоносца тою-же фирмой Ярроу въ Либаву. Тогда всполошились редакціи газетъ „Standard“, “Daily Express“, „Morning Post“ и „Leader Post“ рѣшили нарядить цѣлое слѣдствіе, чтобы убѣдиться, насколько справедливо американское сообщеніе. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ направленіи былъ одинъ изъ наиболѣе руссофобскихъ органовъ лондонской печати „Daily Express“. Онъ разсуждалъ такъ: „Можетъ-ли британское правительство съ полною увѣренностью въ своей правотѣ утверждать, что Японіи или какой-нибудь другой державѣ не

доставлены изъ Англіи военныя суда? Я думаю, каждый пойметъ значеніе этого вопроса въ настоящій моментъ. Если возможенъ хотя-бы одинъ случай, когда той или другой державѣ удалось, помимо вѣдома британскаго правительства, купить у Англіи хотя-бы одно судно, то, очевидно, ни одинъ уважающій себя англійскій сановникъ не рѣшится заявить всенародно: „я увѣренъ, что въ англійскихъ водахъ у Доггеръ-банки не было и не могло быть японскихъ миноносцевъ“

Газета поставила себѣ цѣлью во что бы то ни стало провѣрить слухи о доставкѣ въ Россію одного или двухъ миноносцевъ, построенныхъ на Темзѣ, и произведенное ею, совмѣстно съ другими газетами, строгое разслѣдованіе, привело ее къ убѣжденію, что „по крайней мѣрѣ одинъ миноносецъ прибылъ 2/15 октября въ Либаву изъ Темзы“.

„Standard“, при этомъ, разсказалъ, что англійскій судостроительный заводъ въ Ярроу сообщилъ адмиралтейству въ сентябрѣ мѣсяцѣ, что имъ было получено отъ нѣкоего Сеннета, проживающаго въ Парижѣ, предложеніе продать находившееся на верфи завода быстроходное судно „Carolina“, могущее быть яхтой или контръ-миноносцемъ. Адмиралтейство увѣдомило объ этомъ министра иностранныхъ дѣлъ, который поручилъ произвести разслѣдованіе въ Парижѣ. Разслѣдованіе это привело къ возникновенію подозрѣнія относительно конечнаго назначенія судна. Поэтому, заводу въ Ярроу было предписано не сдавать контръ-миноносца. Но распоряженіе пришло слишкомъ поздно, такъ какъ этотъ послѣдній, подъ предлогомъ пробнаго испытанія скорости хода, съ вѣдома таможенныхъ чиновниковъ, ускользнулъ съ превеликой легкостью изъ Темзы, прошелъ Кильскій каналъ и явился въ Либаву.

„Daily Express“ самъ испугался послѣдствій, которыя вытекаютъ изъ произведеннаго имъ же тщательнаго слѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, если одинъ или два миноносца, помимо вѣдома британскаго адмиралтейства, вышли изъ Темзы и благополучно прибыли въ Либаву, то почему же четыре другихъ миноносца не могли, также помимо вѣдома британскаго адмиралтейства, очутиться въ рукахъ японскихъ агентовъ, находящихся въ Гуллѣ или въ другомъ англійскомъ портѣ?

По тому же поводу „Standard“ замѣтилъ: „Уходъ миноносца изъ Темзы въ Либаву очень скверная штука, такъ какъ японцы имѣютъ лишній поводъ къ справедливому неудовольствію, а Россіи этотъ доказанный фактъ сослужитъ большую службу въ глазахъ международной слѣдственной комиссіи“. Почтенная газета не договариваетъ, однако, еще одного сооб-

раженія, а именно, что противозаконныя передвиженія судовъ могли бы имѣть для Англіи тяжелыя матеріальныя послѣдствія: Японія могла бы требовать удовлетворенія за „Carolina", а Россія—за какія-нибудь другія суда, добытыя Японіей. Еще сравнительно такъ недавно, происходилъ третейскій судъ по поводу продажи Англіей южнымъ штатамъ знаменитаго крейсера „Alabama" во время гражданской войны въ Соединенныхъ Штатахъ.

Построенный и вооруженный въ Ливерпулѣ, каперъ „Alabama" причинилъ огромные убытки американской торговлѣ. Такъ какъ Англія не старалась препятствовать выходу конфедеративныхъ каперовъ изъ англійскихъ гаваней, то вашингтонскій кабинетъ усмотрѣлъ въ этомъ нарушеніе нейтралитета и потребовалъ отъ великобританскаго правительства полнаго возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ этими каперами имуществу американскихъ гражданъ.

Третейскій судъ собрался въ Женевѣ и приговоромъ, обнародованнымъ 15 сентября 1872 г., призналъ отвѣтственность Англіи и присудилъ ее уплатить Сѣверо-американскимъ Соединеннымъ Штатамъ 3.229.166 фунтовъ стерлинговъ, т. е. почти тридцать два милліона рублей. Перспектива возможности повторенія подобнаго же исхода весьма естественно вызываетъ у англичанъ ощущенія, довольно далекія отъ пріятныхъ.

Изъ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла теперь можно считать вполнѣ установленнымъ фактъ, что въ ночь съ 8 на 9 октября на Доггеръ-банкѣ могли находиться и дѣйствительно находились японскіе миноносцы и что, слѣдовательно, адм. спасенія эскадры, генералъ-адъютантъ Рожественскій имѣлъ не только право, но и обязанность поступить такъ, какъ онъ поступилъ, не останавливаясь предъ соображеніемъ, что выстрѣлами съ русскихъ судовъ могъ быть причиненъ вредъ и нейтральнымъ судамъ.

Очень образно выразился одинъ англійскій адмиралъ въ дни наибольшаго возбужденія англичанъ противъ образа дѣйствій русской эскадры, сказавъ: „Если бы я увидѣлъ, что къ ввѣренной мнѣ эскадрѣ приближается какой-либо миноносецъ, то я сначала выстрѣлами потопилъ бы его, а затѣмъ уже спросилъ, какой онъ былъ національности".

Что касается судьбы второго японскаго миноносца, видѣннаго рано утромъ 9-го октября по близости отъ мѣста потопленія перваго миноносца, то вслѣдствіе полученныхъ повреж-

деній онъ могъ затонуть самъ или же для сокрытія слѣдовъ былъ пущенъ ко дну собственною командою, которая могла перебраться на одно изъ рыбачьихъ судовъ. Быть можетъ къ нему же относится сообщеніе капитана шхуны „Guyana“ Вальгрина, который 9-го октября близъ Доггеръ-банки замѣтилъ паровое судно неизвѣстной національности, подававшее сигналы бѣдствія. По сообщенію „Königsberger Zeitung“ судно это затонуло раньше, чѣмъ „Guyana“ успѣла подойти къ нему на помощь.

VII.

Охватившая подъ вліяніемъ происшествія въ Сѣверномъ морѣ англійское общественное мнѣніе и даже англійское правительство крайняя нервность, совершенно непонятная при нормальныхъ международныхъ отношеніяхъ, служитъ весьма знаменательнымъ симптомомъ. Если такой, въ сущности, пустой случай, въ которомъ было-бы явной безсмыслицей заподозрить злой умыселъ или желаніе нанести оскорбленіе національному достоинству Англіи, вызываетъ столь сильное возбужденіе и опасеніе войны, то какъ разрѣшить случаи, болѣе серьезные и по существу своему спорные, въ которыхъ могутъ быть затронуты крупные интересы? Очевидно, обоюдныя отношенія между Россіей и Англіей покоятся на такомъ зыбкомъ основаніи, что малѣйшій поводъ въ состояніи расшатать его; кромѣ того, если судить по исконному образу дѣйствій Великобританіи, отношенія эти настолько насыщены противоположнымъ электричествомъ, что чуть не ежеминутно міру приходится быть готовымъ, что оба эти электричества придутъ въ соприкосновеніе, результатомъ чего будетъ грозовая стрѣла мощи необычайной и способная спалить пол-вселенной.

Сближеніе между Англіей и Россіей при условіи, что оно было-бы искренне, со стороны не только одной Россіи, конечно, было-бы выгодно обѣимъ странамъ и имѣло-бы громадное значеніе вообще, такъ какъ оно должно было бы измѣнить всю міровую физіономію, измѣнить положеніе Германіи среди міровыхъ державъ. Не мало было благодушныхъ россіянъ, которые увлеклись мечтаніями на эту тему и были склонны думать, что благородный, во время трансваальской войны, образъ дѣйствій Россіи, палецъ о палецъ не ударившей,

чтобы извлечь для себя какую-либо выгоду изъ затруднительнаго положенія Англіи, былъ оцѣненъ по достоинству и что, наконецъ, благодарные бритты точно также отнесутся и къ Россіи, когда ей придется тяжко. Оставимъ въ сторонѣ академическій вопросъ, существуетъ-ли между народами чувство благодарности вообще. Возьмемъ лишь дѣйствительность, которая языкомъ фактовъ говоритъ съ достаточною ясностью сама за себя. Ранѣе, я имѣлъ уже случай подробно разбирать роль Англіи въ подготовкѣ русско-японской войны, когда-же война стала неизбѣжна и когда увидѣли, что Россія порядкомъ въ ней увязла, Великобританія поспѣшила воспользоваться этимъ моментомъ, и ея войска вошли въ священную Лхассу, перешагнувъ чрезъ трупы почти безоружныхъ тибетцевъ и тѣмъ доказавъ имъ, что платоническія симпатіи съ сѣвера не могутъ спасти ихъ отъ горькой доли, уготованной имъ британскимъ львомъ, обладающимъ, какъ извѣстно, прекраснымъ аппетитомъ.

Происшествіе въ Сѣверномъ морѣ и отношеніе къ нему англійской печати и общества должны убѣдить и самыхъ близорукихъ, что мысль объ искреннемъ сближеніи между Англіей и Россіей едва-ли осуществимая мечта.

Недовѣріе Англіи къ Россіи огромно, оно существуетъ и всегда существовало; по временамъ оно нѣсколько уменьшается, но никогда не исчезаетъ совершенно. Страшное возбужденіе, вызванное въ Англіи послѣднимъ инцидентомъ, показало краснорѣчивѣе всякихъ комментаріевъ, что англійскій народъ и нынѣ полонъ неизмѣннаго недовѣрія къ Россіи и никакое взаимное пониманіе между этими державами невозможно. Понятны дѣлаются слова, высказанныя въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ по поводу происшедшей тогда мобилизаціи англійскихъ морскихъ силъ: „Искренно жаль несчастныхъ, которые погибли на пути эскадры, но это еще не причина для Англіи картинно гремѣть оружіемъ, мобилизовать всѣ флоты, угрожать местью безъ границъ тому народу, изъ ранъ котораго въ далекой Азіи струится кровь на радость и въ угоду этой самой Англіи... Мы англичанамъ не вселили, не внушили увѣренности, что кровавый поединокъ съ японцами — исполненіе современной Россіей своего тяжелаго долга передъ слѣдующими за нами поколѣніями, а сведеніе счетовъ съ Англіей по лицу всей Имперіи было-бы встрѣчено какъ торжество справедливости за вѣчное вѣроломство, вѣчную ненасытную злобу противъ насъ и непримиримую зависть англичанъ...“

Разбирая происшествіе у Доггеръ-банки совершенно хладнокровно, нельзя не признать, что лишь наличность ранѣе того накипѣвшихъ чувствъ могла раздуть прискорбный самъ по себѣ случай до размѣровъ необычайнаго событія, соединеннаго съ умысломъ оскорбить англійскій флагъ, англійскую націю. Исторія говоритъ, что подобные случаи уже бывали и что даже если на одну секунду допустить, что вице-адмиралъ Рожественскій стрѣлялъ по рыбачьимъ судамъ только по ошибкѣ, припявъ ихъ за миноносцы, то и подобныя ошибки уже бывали, не вызывая трескотни на весь міръ. По странному совпаденію обстоятельствъ такая ошибка уже произошла одинъ разъ между Россіей и Англіей, только роли, игранныя обѣими сторонами, были обратны тѣмъ, что онѣ исполняли нынѣ въ Сѣверномъ морѣ.

Дѣло было въ 1900 г., когда союзныя войска европейскихъ державъ были отправлены по желѣзной дорогѣ изъ Тяньцзиня въ Пекинъ, гдѣ боксеры угрожали жизни европейцевъ. Около полуночи 17-го іюня отрядъ русскихъ матросовъ возвращался съ работы пѣшкомъ. Англійскіе матросы, ѣхавшіе, какъ сказано, по желѣзной дорогѣ, замѣтивъ изъ окопъ вагоповъ какія-то движущіяся фигуры и думая, что это боксеры, тотчасъ же открыли по нимъ огонь. Ошибка скоро обнаружилась, но зло было уже сдѣлано; двое матросовъ Шадринъ съ „Наварина“ и Иляковъ съ „Корнилова“ были убиты и еще нѣсколько человѣкъ ранены. Англійскій вице-адмиралъ Сеймуръ, исполнявшій должность главнаго начальника надъ соединенными силами, поспѣшилъ послать оффиціальное письмо съ выраженіемъ сожалѣнія и извиненіями русскому капитану 2-го ранга Чагину, командовавшему тѣми матросами, которые подверглись ночному нападенію.

„Кронштадтскій Вѣстникъ“ (№ 127) напечаталъ этотъ важный документъ, который и воспроизвожу здѣсь:

„Вице-адмиралъ Сеймуръ капитану 2-го ранга Чагину. 17 іюня 1900 г. Милостивый государь. Имѣю честь увѣдомить васъ, что я сію минуту получилъ извѣщеніе о роковомъ инцидентѣ, случившемся вчера ночью, причемъ нѣкоторые изъ вашихъ людей были убиты нашими. Спѣшу выразить вамъ свое глубочайшее сожалѣніе и сожалѣніе англійскихъ войскъ, находящихся подъ моею командой, по поводу этого прискорбнаго событія. Имѣю честь быть, милостивый государь, вашъ покорный слуга вице-адмиралъ Сеймуръ“.

Капитанъ Чагинъ донесъ о случившемся начальнику тихоокеанской эскадры вице-адмиралу Гильдебрапту, который, хотя

и былъ огорченъ этимъ печальнымъ извѣстіемъ, однако, какъ офицеръ съ большимъ опытомъ въ морскомъ дѣлѣ, понялъ, что подобныя ошибки легко могутъ случиться, въ особенности ночью, когда люди находятся въ возбужденномъ состояніи, отовсюду ожидая предательскаго нападенія со стороны азіатскаго врага, не пренебрегающаго никакими средствами. Поэтому, когда адмиралъ Сеймуръ посѣтилъ его съ цѣлью повторить свои сожалѣнія, то русскій адмиралъ принялъ ихъ, вполнѣ повѣривъ ихъ искренности.

Это англійское „оскорбленіе“ не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Никакой воинственной агитаціи не было поднято русскою печатью, англійскій посолъ не подвергнулся освистанію, не было высказано сравненій съ „бѣшеными собаками“ и т. д.

Очень справедливо по этому поводу замѣтила въ „Westminster Gazette“ О. А. Новикова, такъ стойко защищающая русское дѣло въ Англіи: „Читая разсказъ о прискорбномъ событіи въ Китаѣ, невольно поражаешься извѣстной аналогіей, какъ и извѣстнымъ различіемъ между событіемъ, происшедшимъ въ іюнѣ 1900 г., и тѣмъ, которое случилось въ октябрѣ 1904 года. Въ обоихъ случаяхъ, эти прискорбныя ошибки произошли во мракѣ ночи, хотя одно произошло въ осеннюю октябрскую ночь, а другое въ лѣтнюю іюньскую. Въ обоихъ случаяхъ двое были убиты и нѣсколько человѣкъ ранены, но есть также, какъ я уже и говорила, и различіе между обоими случаями. Англійскій адмиралъ имѣлъ возможность немедленно выразить свои сожалѣнія и представить извиненіе, тогда какъ адмиралъ Рожественскій узналъ о прискорбномъ происшествіи у Доггеръ-банки лишь на третій день въ Виго, почему и могло показаться, что онъ отнесся безпечно къ своимъ самымъ существеннымъ обязанностямъ. Русское правительство не потребовало денежнаго вознагражденія и Англія не предлагала его семействамъ убитыхъ и раненыхъ въ 1900 г. Въ Россіи не подымали криковъ о войнѣ, а преобладало полное спокойствіе, тогда какъ въ 1904 году англійская печать проявила, выражаясь умѣренно, прискорбный недостатокъ терпѣнія и обдуманности.

„...Хочется сдѣлать и еще одно сравненіе: какъ дѣйствуютъ въ рѣшительную минуту русскіе и англійскіе адмиралы? Гильдебрантъ сдѣлалъ все, что можно, чтобы не разжигать понапрасну страстей. Отчего же нынѣ адмиралъ Сеймуръ упорно молчалъ и скрывался, когда одно его честное, прямое заявленіе о своей винѣ въ Китаѣ остановило бы въ самомъ на-

чалѣ бурю, которая могла принести много бѣдъ какъ самой Англіи, такъ и другимъ странамъ"?

Инцидентъ, подобный англо-русскому, произошелъ въ Австріи въ 1866 г. незадолго до знаменитой битвы близъ Лиссы. Австрійская эскадра находилась въ открытомъ морѣ и поздно ночью командующій ею получилъ извѣстіе о приближеніи военнаго судна, а спустя нѣсколько секундъ прибѣжалъ офицеръ съ сообщеніемъ, что итальянское судно приближается. Командующій эскадрой тотчасъ же приказалъ двумъ броненосцамъ приблизиться къ таинственному судну. Была темная ночь, а электрическихъ прожекторовъ тогда еще не имѣлось. Оба броненосца исполнили приказаніе и приготовились стрѣлять, но офицеры подозрительнаго парохода, почуявъ опасность, поспѣшили освѣтить свой флагъ, по которому австрійцы убѣдились, что это было нейтральное англійское военное судно „Entreprise", хорошо знакомое австрійцамъ и стоявшее предъ тѣмъ въ Тріестѣ. Если бы командующій австрійской эскадрой не проявилъ осторожности и приказалъ немедленно атаковать, то катастрофа была бы неизбѣжна.

Англійскому адмиралтейству должны быть извѣстны оплошности, случавшіяся съ англійскимъ флотомъ.

Въ 1899 году британская канонерская лодка „Leda" стрѣляла во французское судно „Langre", причемъ былъ убитъ одинъ матросъ, а это происходило въ такое вѣдь время, когда Англія не находилась въ войнѣ.

Къ тому же во Франціи еще не забытъ инцидентъ съ булонскими рыбаками, въ которыхъ стрѣляли англійскіе матросы во время маневровъ. Тамъ помнятъ и письмо королевы Викторіи съ извиненіями и трогательными фразами по поводу всего происшедшаго.

Наконецъ, „Морской Ежегодникъ" (Naval Annual) за 1901 годъ на стр. 115 передаетъ слѣдующій эпизодъ морскихъ маневровъ за 1900 годъ.

Англійскій крейсеръ „Minerva", дѣлая рекогносцировку по восточному побережью Ирландіи очутился въ ночь на 27 іюля среди рыбачьихъ лодокъ и началъ въ нихъ упорно стрѣлять (къ счастью, ни въ кого не попадая). Трудно понять, какъ могло случиться, что крейсеръ въ 5600 тонн оставался нѣсколько часовъ среди рыбачьей флотиліи, не подозрѣвая сдѣланной имъ ошибки,—но фактъ несомнѣненъ.

Такимъ образомъ, разсуждая о происшествіи въ Сѣверномъ морѣ съ точки зрѣнія историческихъ прецедентовъ, нельзя не придти къ заключенію, что образъ дѣйствій вице-

адмирала Рожественскаго не представляется чѣмъ-то чудовищнымъ или неслыханнымъ и если англичанамъ было угодно приписать ему такой отталкивающій характеръ, то во-первыхъ, въ силу давно извѣстнаго факта, что соломенка въ глазу Россіи неизмѣнно представляется имъ необъятнымъ бревномъ, а во-вторыхъ, потому, что происшествіе у Доггеръ-банки, умѣлымъ образомъ вздутое и обработанное, представляло изъ себя канву, на которой можно было вышить такіе чудные узоры къ вящей пользѣ желтолицой союзницы Альбіона.

VIII.

На основаніи обнародованной уже англійской Синей книги можно теперь прослѣдить дипломатическую исторію постепеннаго развитія вопроса, чуть не доведшаго до войны между Англіей и Россіей.

Предъявленная парламенту дипломатическая переписка о случаѣ въ Сѣверномъ морѣ открывается телеграммой маркиза Лансдоуна на имя англійскаго посла въ Петербургѣ, сэра Чарльза Гардинга, въ которой министръ, сообщая по поводу этого происшествія свѣдѣнія, полученныя отъ фирмы Джаксонъ и К°, прибавляетъ: „Настоящее дѣло не терпитъ промедленія. Англійское правительство считаетъ за лучшее не формулировать своихъ требованій, пока не будутъ получены объясненія отъ русскаго правительства, которое, безъ сомнѣнія, не замедлитъ ихъ дать. Однако, оно уже теперь считаетъ своимъ долгомъ требовать извиненія и полнаго немедленнаго удовлетворенія, а также гарантій противъ повторенія такихъ недопустимыхъ происшествій.“

Между тѣмъ, англійскій посолъ уже обращался по собственной иниціативѣ за объясненіями къ министру иностранныхъ дѣлъ, графу Ламздорфу и послѣ бесѣды съ нимъ сообщилъ своему правительству: „Графъ Ламздорфъ заявилъ, что онъ знаетъ о происшествіи только то, что сообщено газетными телеграммами. Я указалъ ему на чрезвычайную серьезность положенія, добавивъ, что англійское общественное мнѣніе вполнѣ основательно возмутится, если факты дѣйствительно таковы, какъ о нихъ сообщаютъ. Затѣмъ я, не въ качествѣ англійскаго посла, а частнымъ образомъ, выразилъ ему свое мнѣніе, что ради сохраненія дружественныхъ отношеній между двумя странами была бы желательна со

стороны русскаго правительства декларація о томъ, что потерпѣвшимъ будетъ дано полное вознагражденіе, а виновные, если таковые по изслѣдованіи дѣла окажутся, будутъ подвергнуты соотвѣтственному наказанію.

„Въ отвѣтъ на это графъ Ламздорфъ сказалъ, что онъ очень взволнованъ этимъ происшествіемъ и что въ настоящее время не имѣетъ о немъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ заявленій, сдѣланныхъ объятыми паникой рыбаками; онъ не считаетъ возможнымъ допустить, чтобы ихъ заявленія отличались полною точностью и ждетъ объясненій отъ начальника русской эскадры. Тѣмъ не менѣе, онъ считаетъ нужнымъ завѣрить, что русское правительство не потерпѣло бы отъ своихъ офицеровъ такихъ дѣйствій, въ которыхъ ихъ обвиняютъ, и что, наконецъ, дѣло будетъ тщательно изслѣдовано и если кто-нибудь окажется виновнымъ, то будетъ подвергнутъ соотвѣтственному наказанію, а пострадавшимъ будетъ дано полное вознагражденіе.

„Я прибавилъ, что невозможно допустить, чтобы положеніе, созданное настоящимъ прискорбнымъ событіемъ, затянулось на продолжительное время. Кромѣ того, я поставилъ на видъ, что мнѣ кажется очень страннымъ, что русская эскадра продолжала свой путь, не обративъ никакого вниманія на пострадавшихъ и не отправивъ о происшествіи сообщенія съ одной изъ телеграфныхъ станцій побережья Англійскаго канала“.

Маркизъ Лансдоунъ, въ свою очередь, переговорилъ съ русскимъ посломъ въ Лондонѣ, графомъ Бенкендорфомъ, и, помимо требованія объ извиненіи за случившееся и вознагражденія потерпѣвшихъ, заявилъ еще, что „считаетъ необходимымъ назначеніе слѣдствія для установленія, на кого именно должно пасть порицаніе (blame) за то, что должно быть названо не только ошибкой, но, если обстоятельства окажутся такими, какъ заявлено, преступной ошибкой“.

Въ послѣднемъ случаѣ Лансдоунъ находитъ основательнымъ ожидать, что „лица, признанныя виновными, кто бы они ни были, будутъ подлежать соотвѣтственному наказанію“

Сверхъ того, лордъ Лансдоунъ счелъ своимъ долгомъ настаивать, чтобы англійскому правительству были даны обезпеченія противъ повторенія подобныхъ случайностей: „единственное оправданіе, приводимое въ настоящемъ случаѣ и, дѣйствительно, единственно пріемлемое, по моему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что русскіе морскіе офицеры были добросовѣстно убѣждены, что эти неповинные ни въ чемъ рыбаки

были переодѣтые японскіе агенты. Русская эскадра дѣйствовала подъ этимъ убѣжденіемъ, несмотря на то, что рыбачья флотилія находилась въ обычно посѣщаемыхъ ею водахъ и подавала всѣ сигналы, установленные для рыбаковъ международными правилами. Если при такихъ обстоятельствахъ былъ открытъ огонь по мирнымъ рыбакамъ, только благодаря предположенію, что они замаскированные японцы, то кто окажется въ безопасности и какимъ образомъ возможно достичь того, чтобы русская эскадра во время своего долгаго пути на Дальній Востокъ не вносила повсюду смерти и разгрома"?

Графъ Бенкендорфъ отвѣтилъ англійскому министру, что онъ не предвидитъ никакихъ затрудненій ни въ вопросѣ объ извиненіи за прискорбное происшествіе, ни въ дѣлѣ о вознагражденіи потерпѣвшихъ.

Одновременно съ этимъ, англійскій посолъ въ Петербургѣ увѣдомилъ маркиза Лансдоуна, что Государь Императоръ выражаетъ англійскому королю и правительству искреннее сожалѣніе и распорядился о полномъ вознагражденіи потерпѣвшихъ.

13 октября Лансдоунъ сообщилъ сэру Чарльзу Гардингу о своей новой бесѣдѣ съ графомъ Бенкендорфомъ: „Графъ заявилъ, что приняты мѣры для пріостановки русской эскадры въ Виго или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Онъ заявилъ далѣе, что русское правительство уже приступило къ разслѣдованію дѣла. Я выразилъ требованіе, чтобы намъ была дана возможность удостовѣриться, что разслѣдованіе будетъ полное и всестороннее. Графъ на это возразилъ, что это моглобы быть истолковано въ смыслѣ контроля надъ слѣдствіемъ, и затѣмъ прибавилъ, что долженъ обождать инструкцій, прежде, чѣмъ дать обѣщаніе, что въ разслѣдованіе дѣла будетъ включенъ вопросъ о чьей-либо отвѣтственности и наказаніи виновныхъ, хотя онъ лично полагаетъ, что дѣло будетъ поставлено именно такимъ образомъ. Онъ выразилъ также увѣренность, что офицерамъ русской эскадры будутъ даны такія инструкціи, которыя обяжутъ ихъ дѣйствовать въ сомнительныхъ случаяхъ съ величайшею осмотрительностью, такъ что повтореніе происшествія, вродѣ случившагося въ Сѣверномъ морѣ, станетъ невозможнымъ.

„Я просилъ его сіятельство телеграфировать немедленно о послѣднихъ пунктахъ. Я указалъ также на необходимость принятія немедленныхъ мѣръ къ пріостановкѣ русской эскадры. Если ей будетъ позволено продолжать путь, не останавли-

ваясь въ Виго, то между нами до истеченія недѣли можетъ начаться война. Я при этомъ обратилъ вниманіе посла на правительственное сообщеніе, появившееся сегодня въ газетахъ о сосредоточеніи британскаго флота въ Гибралтарѣ и другихъ мѣстахъ. Его превосходительство не видѣлъ этого сообщенія."

Невыносимо тяжело должно было быть нашему дипломатическому представителю при такомъ благосклонномъ обращеніи его вниманія на фактъ застращиванія представляемой имъ державы, застращиванія, исходящаго изъ устъ не какого-нибудь безотвѣтственнаго органа печати, а изъ устъ министра иностранныхъ дѣлъ, ссылающагося, не безъ ехидства, на правительственное-же сообщеніе. Тутъ уже не отдѣльныя личности англійскаго народа, могущія питать къ намъ тѣ или другія чувства, а отвѣтственный представитель оффиціально дружественнаго намъ англійскаго правительства, который приподнимаетъ уголокъ носимой имъ маски и показываетъ, какое искаженное злобою къ Россіи лицо кроется за нею. Облитыя ядомъ рѣчи со стороны Англіи тѣмъ болѣе кажутся неумѣстными, что ей съ самаго начала было прекрасно извѣстно, какъ умышленно взмылено было все происшествіе у Доггеръ-банки, а, главное, не могли для нея быть секретомъ кое-какія подробности всего этого дѣла.

И если, не взирая на все, англійское правительство, какъ свидѣтельствуетъ розданная членамъ парламента Синяя книга, смогло бросить въ лицо Россіи прямую угрозу, то, можно биться объ закладъ, лишь потому, что Англія хорошо связала Россіи руки на Дальнемъ Востокѣ, и потому, что вообразила, что можно позволить себѣ многое по отношенію къ когда-то истинно военной державѣ, воинская мощь которой, какъ ей показалось, была навсегда развѣяна въ клубахъ дыма Вафангоу и Ляояна.

Вечеромъ того-же 13 октября маркизъ Ландоунъ опять видѣлся съ графомъ Бенкендорфомъ и сообщилъ ему, что, судя по телеграммамъ, полученнымъ изъ Петербурга, онъ сомнѣвается, чтобы русское правительство дѣйствительно приняло надлежащія мѣры для пріостановки своей эскадры въ Виго съ цѣлью разслѣдованія, на кого должна падать отвѣтственность за происшествіе на Сѣверномъ морѣ: „графъ Бенкендорфъ отвѣчалъ, что вполнѣ увѣренъ, что русское правительство ждетъ о томъ донесенія отъ командующаго эскадрой. Я замѣтилъ на это, что считаю невозможнымъ какія-нибудь недоразумѣнія по этому поводу. Мы не можемъ допустить,

сказалъ я, чтобы русской эскадрѣ было позволено продолжать свой путь, разъ на ней идутъ лица, отвѣтственныя за происшествіе съ рыбаками. Это не только дало-бы имъ возможность избѣжать справедливаго возмездія, но и сдѣлало-бы невозможнымъ получить рѣшительные результаты въ разслѣдованіи дѣла, обѣщанномъ русскимъ правительствомъ. Я прибавилъ далѣе, что *если наши требованія въ этомъ отношеніи не будутъ удовлетворены, то мы будемъ вынуждены принять мѣры къ достиженію ихъ силою.* Я сказалъ также, что первый министръ долженъ произнести въ пятницу очень важную рѣчь и ему придется имѣть дѣло съ этимъ вопросомъ. Я выразилъ надежду, что первому министру будетъ дана возможность сдѣлать удовлетворительныя заявленія и что въ такомъ случаѣ возбужденіе, растущее въ странѣ, безъ сомнѣнія, уляжется. Если-же онъ будетъ имѣть возможность сообщить только о русскихъ сожалѣніяхъ и объ обѣщаніяхъ вознагражденія потерпѣвшимъ, то онъ будетъ вынужденъ прибавить, что мы настаиваемъ на всѣхъ нашихъ требованіяхъ сполна и рѣшились домогаться ихъ исполненія".

Послѣ долгаго обсужденія, графъ Бенкендорфъ обѣщалъ послать въ Петербургъ слѣдующую телеграмму:

„Британское правительство понимаетъ мою вчерашнюю и сегодняшнюю телеграмму въ томъ смыслѣ, что адмиралъ, командующій эскадрой, долженъ произвести надъ офицеромъ, или надъ офицерами, отвѣтственными за происшествіе въ Сѣверномъ морѣ, сокращенное слѣдствіе, требующее лишь нѣсколькихъ часовъ. Затѣмъ, эти офицеры должны быть подвергнуты тщательному допросу и слѣдствію въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, необходимо ихъ немедленное возвращеніе въ Петербургъ. Немедленный судъ надъ ними считается британскимъ правительствомъ за абсолютное условіе мирнаго улаженія дѣла, причемъ британское правительство не считаетъ допустимымъ, чтобы отвѣтственные за происшествіе офицеры продолжали кампанію до окончанія суда надъ ними.

„Лордъ Ландсоунъ далъ мнѣ увѣренія, что британское правительство въ аналогичномъ случаѣ безъ колебаній поступило-бы такимъ-же образомъ. Положеніе усложняется тѣмъ-что первый министръ долженъ произнести въ ближайшую пятницу рѣчь отъ имени кабинета, причемъ онъ не можетъ уклониться отъ категорическихъ заявленій."

14/27 октября сэръ Чарльзъ Гардингъ сообщилъ маркизу Ландсоуну извѣстную телеграмму вице-адмирала Рожественскаго, въ которой объяснялось, какъ въ дѣйствительности

происходило дѣло близъ Доггеръ-банки. Въ тотъ-же день французскій посолъ въ Лондонѣ Камбонъ передалъ Лансдоуну предложеніе добрыхъ услугъ со стороны французскаго правительства для улаженія спора, возникшаго между Россіей и Англіей, на случай, если-бы такія услуги почитались полезными для болѣе быстраго разрѣшенія дѣла.

15-го октября министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Ламздорфъ послалъ россійскому послу въ Лондонъ телеграмму такого содержанія:

„Желая дать возможно большее освѣщеніе всему, что произошло въ Сѣверномъ морѣ, Нашъ Августѣйшій Монархъ находитъ полезнымъ передать дѣло это всестороннему разсмотрѣнію международной слѣдственной комиссіи на основаніи Гаагской конвенціи.

„По Высочайшему повелѣнію, ваше сіятельство приглашаетесь предложить этотъ способъ рѣшенія вопроса великобританскому правительству".

Графъ Бенкендорфъ отвѣтилъ немедленно, что великобританское правительство приняло предложеніе о передачѣ дѣла о происшествіи въ Сѣверномъ морѣ на разсмотрѣніе международной комиссіи, предусмотрѣнной Гаагской конвенціей.

Въ то же время, въ отвѣтъ на приведенное выше сообщеніе сэра Ч. Гардинга была послана слѣдующая телеграмма маркиза Лансдоуна:

„Я заявилъ русскому послу оффиціально, что мы совершенно не можемъ принять объясненіе вице-адмирала Рожественскаго и что оно неубѣдительно для Англіи. Я передалъ послу наши требованія, которыя заключаются въ слѣдующемъ:

1. Прежде чѣмъ русская эскадра уйдетъ изъ Виго, русскія власти произведутъ разслѣдованіе о лицахъ, виновныхъ въ нападеніи на рыбачью флотилію. Всѣ эти лица должны быть оставлены, точно такъ же, какъ и всѣ тѣ, показанія которыхъ существенны для выясненія фактовъ.

2. Полное изслѣдованіе фактовъ произведетъ независимый судъ международнаго характера. Процедура при этомъ имѣетъ быть принята согласно IX—XIV статей Гаагской конвенціи, при чемъ комиссія должна состоять изъ морскихъ офицеровъ высшихъ чиновъ отъ обѣихъ заинтересованныхъ державъ и трехъ другихъ державъ.

3. Русское правительство накажетъ соотвѣтственнымъ образомъ всѣхъ лицъ, которыхъ комиссія признаетъ виновными.

„Я прибавилъ къ этому, что принятіе этихъ требованій устранитъ острый характеръ кризиса, тѣмъ болѣе что русское

правительство уже выразило свое сожалѣніе по поводу происшествія, обѣщало щедрое вознагражденіе потерпѣвшимъ и приняло мѣры къ предупрежденію подобныхъ происшествій въ будущемъ".

$^{15}/_{28}$ октября графъ Ламздорфъ увѣдомилъ сэра Чарльза Гардинга, что вице-адмиралу Рожественскому данъ приказъ остановиться въ Виго. Передавая о томъ маркизу Лансдоуну, англійскій посолъ донесъ о слѣдующихъ словахъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ: „графъ Ламздорфъ приписываетъ миролюбивый тонъ, который приняли переговоры, изысканной умѣренности языка вашихъ депешъ и выразилъ при этомъ свое полное удовлетвореніе, такъ какъ всякое проявленіе угрозы вызвало бы здѣсь глубочайшее раздраженіе и послѣдствіемъ была бы война, которая явилась бы позоромъ для XX столѣтія".

За неимѣніемъ русскихъ оффиціальныхъ документовъ, періодически обнародуемыхъ въ общее свѣдѣніе, невозможно, къ сожалѣнію, провѣрить, насколько точно передала англійская Синяя книга приписываемыя графу Ламздорфу слова, которыя, если только они были дѣйствительно произнесены, могли бы, по сопоставленію съ заявленіями Лансдоуна, сдѣланными графу Бенкендорфу 13-го октября, дать непосвященнымъ поводъ къ довольно неожиданному выводу о томъ существенномъ различіи, какое имѣетъ слово угроза на общепринятомъ и на дипломатическомъ языкахъ.

Главная статья Гаагской конвенціи, на которой основывалось русское предложеніе, статья IX, и потому небезъинтересно привести ея текстъ.

„При международныхъ спорахъ, не затрогивающихъ ни чести, ни существенныхъ интересовъ, но возникшихъ вслѣдствіе различной оцѣнки фактовъ, нижеподписавшіяся державы признаютъ полезнымъ, чтобы стороны, которыя не могли прійти къ соглашенію путемъ дипломатическимъ, насколько обстоятельства позволяютъ, назначили международную слѣдственную комиссію; задача комиссіи—облегчить рѣшеніе спорныхъ пунктовъ путемъ безпристрастнаго и добросовѣстнаго обслѣдованія и освѣщенія фактовъ".

IX.

Послѣ всего, что было сдѣлано англійской и русской дипломатіей для облегченія Бальфуру произнесенія рѣчи, она и была

произнесена 15-го октября въ Соутгэмптонѣ. Онъ въ ней описалъ, какъ происшедшее въ Сѣверномъ морѣ событіе „глубоко взволновало англичанъ всѣхъ классовъ, всѣхъ англійскихъ подданныхъ, всѣ великіе народы міра, говорящіе на англійскомъ языкѣ и даже чувства всей цивилизованной Европы... Насколько можно судить о будущемъ, достойная жалости трагедія прошлой пятницы не приведетъ къ одной изъ тѣхъ великихъ національныхъ войнъ, которыя, хотя и будучи отъ времени до времени необходимы, оставляютъ, однако, послѣ себя прискорбные слѣды и неизбѣжно задерживаютъ прогрессъ гуманности и цивилизаціи... Даются двѣ версіи происшествія, изъ чего вытекаетъ, что дѣло должно быть передано на безпристрастное международное разслѣдованіе, хотя и нельзя сомнѣваться, какая изъ этихъ двухъ версій безусловно вѣрна".

Бальфуръ осмѣялъ мысль о „враждебныхъ дѣйствіяхъ рыбачьей флотиліи, а также объ атакѣ миноносцевъ... Исторія, разсказанная русскимъ адмираломъ, представляетъ собою чистую фантазію... Нельзя допустить ни на минуту, чтобы адмиралъ какой-нибудь державы могъ послѣ такихъ событій пройти далѣе, не заботясь о случившемся, не будучи потребованъ къ отвѣту, ни наказанъ.

...Ни одинъ человѣкъ не могъ предвидѣть возможности подобной трагедіи, иначе на флотъ воюющей стороны смотрѣли бы, какъ на бичъ, противъ котораго нейтральныя державы должны были бы составить коалицію. Надо было бы преслѣдовать и уничтожать всякій флотъ, который понимаетъ свои права такъ, какъ понялъ ихъ русскій адмиралъ".

Въ заключеніе, британскій первый министръ сказалъ, между прочимъ, что русское правительство приказало задержать въ Виго часть эскадры, отвѣтственной за происшествіе, и сдѣлало распоряженіе, чтобы офицеры, какъ виновные, такъ и бывшіе свидѣтелями всего случившагося, не шли на Дальній Востокъ. Виновные будутъ преданы суду и подвергнуты достаточному наказанію, для чего будетъ произведено разслѣдованіе. Для достиженія такого результата русское и англійское правительства согласились поручить дѣло установленія фактовъ международной комиссіи, предусмотрѣнной Гаагской конвенціей. „Русское правительство дало", по словамъ Бальфура, „въ этомъ дѣлѣ доказательство своего желанія поставить выше всего справедливость и истину".

Телеграмма англійскаго оффиціознаго агентства Рейтера отъ 15-го октября спеціально подчеркнула, что русскія военныя суда останутся до рѣшенія комиссіи въ Виго.

15/28 октября маркизъ Лансдоунъ въ депешѣ своей къ сэру Чарльзу Гардингу изложилъ содержаніе своихъ переговоровъ съ графомъ Бенкендорфомъ и извѣстилъ его, что русскій посолъ принялъ въ общемъ требованія лондонскаго кабинета.

На другой день, 16 октября, Лансдоунъ передалъ англійскому послу въ Петербургѣ содержаніе новой бесѣды своей съ графомъ Бенкендорфомъ о возможности дальнѣйшихъ усложненій дѣла:

„Я сообщилъ русскому послу мысль, которая очень безпокоитъ меня. Я заявилъ ему, что опасаюсь возникновенія новыхъ случайностей. Русское правительство выработало инструкціи, чтобы предупредить возможность повторенія событій, подобныхъ происшедшему 8 (21) октября. Я увѣренъ, что оно найдетъ путь къ осуществленію своихъ распоряженій. Графъ Ламздорфъ такъ же ясно, какъ и мы, отдаетъ себѣ отчетъ съ какими огромными затрудненіями мы избѣгли столкновенія. Въ своихъ усиліяхъ достичь соглашенія мы пошли такъ далеко, какъ только смѣли—гораздо дальше, чѣмъ многіе изъ нашихъ друзей считали возможнымъ идти. При такихъ обстоятельствахъ у меня нѣтъ никакихъ сомнѣній относительно того, къ какимъ послѣдствіямъ привело бы повтореніе происшествія съ рыбачьей флотиліей.

„Но существуетъ сверхъ того еще одна опасность, предупредить которую является нашимъ долгомъ. Русская эскадра какъ мнѣ извѣстно, пойдетъ частью вокругъ мыса Доброй Надежды, частью чрезъ Суэцкій каналъ. Если во время своего долгаго пути русская эскадра будетъ считать себя вправѣ захватывать подъ рядъ всѣ суда, подозрѣваемыя ею въ перевозкѣ военной контрабанды, то настроеніе общественнаго мнѣнія въ нашей странѣ приметъ самыя нежелательныя формы и выйдетъ изъ нашей власти“.

Графъ Бенкендорфъ замѣтилъ на это, что, „по его мнѣнію инструкціи, уже данныя русскими морскими властями, дѣлаютъ весьма мало вѣроятнымъ, чтобы русскія военныя суда производили захватъ контрабанды въ томъ смыслѣ, какой маркизъ имѣлъ въ виду. Онъ самъ того мнѣнія, что эскадра пойдетъ, насколько возможно поспѣшно, къ мѣсту назначенія не затрудняя себя поисками контрабанды“.

Какъ сквозитъ въ этихъ преувеличенныхъ опасеніяхъ британскаго министра иностранныхъ дѣлъ желаніе воспользоваться происшествіемъ у Доггеръ-банки, чтобы оградить безнаказанность доставки подъ англійскимъ флагомъ военной

контрабанды, въ ужасающемъ количествѣ отправляемой изъ Англіи въ Японію! Вѣдь сами англичане печатно признавались, что со времени начала русско-японской войны не было ни одного парохода, отправлявшагося на Дальній Востокъ, который не везъ бы военной контрабанды въ страну Восходящаго Солнца.

По полученіи свѣдѣній, что офицеры, которые будутъ давать показанія предъ международной комиссіей, остались въ Виго, графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ маркиза Лансдоуна, что болѣе нѣтъ основаній задерживать русскую эскадру.

Отвѣтъ маркиза на это заявленіе изложенъ въ его депешѣ сэру Чарльзу Гардингу 18 (31) октября:

„Я заявилъ, что британское правительство будетъ считать себя удовлетвореннымъ при слѣдующихъ условіяхъ:

1) Русскимъ правительствомъ будутъ даны эскадрѣ инструкціи для избѣжанія повторенія подобныхъ случайностей.

2) Русское правительство сообщитъ чины и служебное положеніе оставшихся офицеровъ.

3) Будутъ выработаны условія передачи дѣлъ международной комиссіи. Британское правительство считаетъ при этомъ существеннымъ, чтобы комиссіи было предоставлено право возложить на кого слѣдуетъ отвѣтственность и порицаніе (responsibility and blame).

„Графъ Бенкендорфъ заявилъ противъ этихъ условій категорическій протестъ; однако, обѣщалъ немедленно сообщить ихъ по телеграфу русскому правительству.

„Посолъ особенно протестовалъ по вопросу объ отвѣтственности. Я отвѣтилъ ему на это, что наказаніе виновныхъ будетъ, конечно, дѣломъ самого русскаго правительства, но необходимо, чтобы комиссіи было предоставлено право выразить порицаніе“.

Вопросъ объ отвѣтственности съ этого момента сталъ предметомъ особыхъ переговоровъ.

Британское правительство предложило проектъ соглашенія о передачѣ дѣла международной комиссіи. Пунктъ второй этого проекта гласилъ: „Комиссія изслѣдуетъ и дастъ отзывъ о всѣхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ несчастное происшествіе въ Сѣверномъ морѣ, и въ частности о томъ, на комъ лежитъ отвѣтственность за это несчастіе, и о степени порицанія, которому подлежатъ тѣ, за кѣмъ будетъ признана эта отвѣтственность“.

Графъ Ламздорфъ заявилъ, что русское правительство желаетъ исключенія изъ этой статьи слова „отвѣтственност-

Англійское правительство считало исключеніе этого слова не допустимымъ.

„Мы будемъ удовлетворены“,—писалъ маркизъ Лансдоунъ сэру Чарльзу Гардингу,—„если получимъ оффиціальное удостовѣреніе отъ русскаго правительства, что задержаны именно тѣ офицеры, которые принимали участіе въ дѣлѣ и на которыхъ должно пасть порицаніе, если, конечно, порицаніе будетъ у мѣста. Это намъ обѣщано, и мы не можемъ согласиться на меньшее. Однако, вы можете объяснить русскому правительству, что мы не желаемъ настаивать на формѣ выраженій, которыя предполагаютъ виновность или невиновность лицъ, принимавшихъ въ дѣлѣ участіе, къ какой бы національности они ни принадлежали. Вопросъ объ отвѣтственности и оправданіи или порицаніи, если того потребуютъ условія дѣла, долженъ быть предоставленъ комиссіи“.

Пока происходили эти переговоры, эскадра вице-адмирала Рожественскаго ушла изъ Виго въ Тапжеръ, и снова англійская печать обезпокоилась и ударила въ набатъ. Она утверждала, что Россія, отправивъ свою эскадру изъ Виго, нарушила свое обѣщаніе. Изъ Гибралтара были получены телеграммы о томъ, что тамъ кипитъ лихорадочная дѣятельность, что мѣстный гарнизонъ мобилизованъ и что сформированы летучія эскадры, вполнѣ готовыя къ бою. Салютъ русскихъ судовъ при выходѣ изъ Виго и учебная стрѣльба были приняты за начало морского сраженія между русскими и англичанами. Общее безпокойство въ Лондонѣ было настолько велико, что министерство иностранныхъ дѣлъ сочло необходимымъ выпустить успокоительное сообщеніе. Министерство разъяснило, что уходъ русской эскадры состоялся по соглашенію между Россіей и Англіей, а передвиженія англійскихъ судовъ и военныя мѣры въ Гибралтарѣ объясняются внезапной мобилизаціей и отнюдь не являются предисловіемъ къ какимъ-либо военнымъ дѣйствіямъ.

Англійскія газеты не скрывали своего недовольства британскою дипломатіею, которой, несмотря на всѣ предпринятыя ею угрожающія дѣйствія, не удалось навязать свою волю, т. е. добиться: а) задержки русскихъ судовъ до окончанія допроса лицъ, стрѣлявшихъ изъ орудій, до выясненія „настоящаго числа“ и степени виновности офицеровъ, отдавшихъ приказъ стрѣлять по японскимъ миноносцамъ, и немедленнаго же безъ суда, строгаго наказанія виновныхъ, в) возвращенія эскадры обратно въ Балтійскія воды и, наконецъ, с) перемѣны въ высшемъ командованіи эскадрой. „Morning Post“ писалъ:

„Мы со страхомъ спѣшили узнать, какая часть русскаго флота будетъ задержана въ Виго, такъ какъ честь Англіи не можетъ быть удовлетворена, если хотя одинъ русскій корабль будетъ продолжать путь, прежде чѣмъ будетъ урегулированъ вопросъ о гулльскомъ инцидентѣ. И вдругъ оказывается, что русскій флотъ, съ согласія англійскаго правительства, продолжаетъ свой путь подъ командованіемъ того же адмирала, который командовалъ имъ въ Сѣверномъ морѣ. Такимъ образомъ у насъ уходитъ изъ рукъ именно тотъ элементъ, который долженъ былъ служить намъ для возмездія". „Times" точно также высказывалъ сильнѣйшее неудовольствіе. Онъ говорилъ, что сообщеніе о томъ, что четыре русскихъ офицера остались въ Виго, не удовлетворяетъ англійскаго народа, который ожидалъ отъ правительства совсѣмъ другого. Изъ сообщеній же иностранныхъ корреспондентовъ видно, что англійское правительство, дѣйствительно, сначала расчитывало подвергнуть Россію неслыханному униженію, заставивъ ея эскадру возвратиться обратно въ Кронштадтъ, но потомъ отступило передъ рискомъ послѣдствій, а, быть можетъ, и передъ загадочнымъ молчаніемъ Германіи.

Нечего говорить, что больше всего рвала и метала крайняя пресса, искренно сожалѣвшая, что „англо-русскій конфликтъ кончился такъ дешево для ненавистной Россіи; англичанамъ представлялся рѣдкій, прямо единственный случай оказать культурѣ неоцѣнимую услугу и, кромѣ того, покончить со своимъ вѣковымъ соперникомъ. Россія, столь сильно ослабленная потерей крови на поляхъ Манчжуріи, нестрашна теперь для Англіи, которой легко было бы, поэтому, разбить рабскія оковы самого же русскаго народа [1]) и надолго обезпечить Китай отъ русской жадности. Вмѣшательство Франціи было бы совершенно невѣроятно, такъ какъ Англія не была бы нападающей стороной, а выступила бы защитницей международнаго права и мстительницей за международное преступленіе. Теперь же англичане предпочитаютъ строить русской дипломатіи золотой мостъ и горько поплатятся за свою наивную близорукость".

Несмотря на бряцаніе оружіемъ, надо думать, что серьезныхъ намѣреній относительно военныхъ дѣйствій у британскаго правительства и не было. Въ Лондонскомъ Сити, по

---

[1]) Въ настоящее время довольно любопытно сопоставить эти слова написанныя въ октябрѣ 1904 г. съ январскими безпорядками въ Петербургѣ въ нынѣшнемъ году.

словамъ корреспондента „Journal des Débats“, войны съ Россіею не хотѣли ни одной минуты.

Причина миролюбія англійскихъ дѣловыхъ сферъ лежитъ въ сознаніи, что война отозвалась бы гибельно на положеніи британской торговли, промышленности и финансовъ.

Что касается оффиціальныхъ британскихъ круговъ, то тамъ прекрасно сознавали подавляющее превосходство англійскаго флота надъ эскадрой вице-адмирала Рожественскаго и возможность одержать надъ ней блестящую побѣду. Но затѣмъ? Затѣмъ, началась бы война, продолжительная, тяжелая, требующая огромныхъ жертвъ людьми и деньгами. Для Россіи же, пожалуй, было бы легче выйти изъ нынѣшняго положенія, когда ей приходится воевать не съ одною Японіею, потому что тогда, по отношенію къ скрытымъ нынѣ врагамъ, она пріобрѣла бы свободу дѣйствій и перестала бы быть вынужденною выносить однѣ лишь отрицательныя стороны военнаго положенія, безъ его выгодъ.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, не могли не повліять на настроеніе руководящихъ сферъ, которыя загорѣлись желаніемъ убѣдить всѣхъ въ миролюбіи англійскаго правительства. Самъ Бальфуръ, сказавшій въ своей соутгэмптонской рѣчи, что русская эскадра будетъ задержана въ Виго, сталъ въ своихъ органахъ увѣрять, что его рѣчь была не такъ понята и что онъ никогда такого требованія къ Россіи не предъявлялъ.

Отголоскомъ такого же настроенія явилась и рѣчь Лансдоуна на банкетѣ въ Гильдголлѣ, въ которой, говоря о „случаѣ въ Сѣверномъ морѣ и нападеніи, произведенномъ противъ англійскихъ гражданъ и сопряженномъ съ оскорбленіемъ англійскаго флага“, онъ, между прочимъ, сказалъ:

„Нельзя представить себѣ болѣе страшнаго наказанія для министра или кабинета, который бы вслѣдствіе недостатка хладнокровія, или изъ личнаго желанія, или же, наконецъ, изъ ошибочнаго пониманія противника навлекъ на свою родину всѣ ужасы, всѣ бѣдствія войны, въ которой не было необходимости“.

Что англійское правительство, въ сущности, не было довольно, что ему не удалось сдѣлать нашу Балтійскую эскадру своею плѣнницею въ Виго, это проглядываетъ и въ оффиціальномъ донесеніи сэра Чарльза Гардинга отъ 23 октября: „Я имѣлъ случай сказать графу Ламздорфу, что англійское общественное мнѣніе придаетъ большое значеніе тому обстоятельству, что съ эскадры оставлено такъ мало офицеровъ, а сама

эскадра вслѣдъ затѣмъ ушла изъ Виго. Онъ отвѣтилъ на это, что наказаніе будетъ наложено на всѣхъ тѣхъ, на кого укажетъ разслѣдованіе, будутъ ли то оставшіеся офицеры или иные".

Однимъ изъ проявленій дурного расположенія духа англичанъ къ эскадрѣ Рожественскаго было распоряженіе британскаго адмиралтейства о томъ, чтобы по выходѣ этой эскадры изъ Виго, англійскіе крейсера издали слѣдовали за нею. Подобные сыскные пріемы составляли всегда излюбленное занятіе англійскихъ моряковъ и они называются по-англійски спеціальнымъ терминомъ „to nurse",—няньчиться съ преслѣдуемымъ судномъ.

Наши суда издавна подвергались подобнымъ приставаніямъ и въ обыкновенное мирное время. Такой случай былъ съ нашимъ крейсеромъ „Владиміръ Мономахъ" во время перваго его заграничнаго плаванія въ 1885 году, когда судно это считалось однимъ изъ самыхъ сильныхъ въ восточно-азіатскихъ водахъ. За „Владиміромъ Мономахомъ" все время неотлучно слѣдовалъ по пятамъ англійскій фрегатъ „Agamemnon"

Командовалъ „Мономахомъ" въ то время Кроунъ, англичанинъ по происхожденію. Во время одного изъ его посѣщеній на „Agamemnon", командиръ англійскаго фрегата пожаловался какъ бы вскользь, что его судно ужасно плохо слушается руля.

Когда послѣ такого разговора „Владиміръ Мономахъ" входилъ въ одинъ изъ восточно-азіатскихъ портовъ, вдругъ подъ кормой его показался грузный корпусъ англійскаго броненоснаго фрегата, державшаго, несмотря на предупрежденіе, прямо въ корму „Мономаха". Еще нѣсколько минутъ—и столкновеніе было неизбѣжно, но Кроунъ приказываетъ бить боевую тревогу, зарядить орудія и направить ихъ на англійскій фрегатъ; послѣдній тогда немедленно поворачиваетъ (руль снова сталъ слушаться) и проходитъ по борту „Мономаха", играя русскій гимнъ.

Когда оба судна стали на якорь, Кроунъ потребовалъ немедленнаго удаленія англійскаго судна, угрожая, въ противномъ случаѣ, вступить съ нимъ въ бой; его требованіе было исполнено, хотя, какъ кажется, повлекло за собою дипломатическія осложненія и непріятности для энергичнаго капитана.

Сами англичане впослѣдствіи находили поступокъ Кроуна совершенно правильнымъ и считали, что онъ рѣшился на него только потому, что самъ былъ англичаниномъ по крови и происхожденію.

Послѣ долгихъ переговоровъ, русское и англійское правительства выработали редакцію соглашенія относительно созыва международной комиссіи по происшествію въ Сѣверномъ морѣ и подписали его 12/25 ноября 1904 года.

Вотъ подлинный его текстъ:

ДЕКЛАРАЦІЯ.

Императорское Россійское Правительство и Правительство Его Британскаго Величества согласились поручить международной слѣдственной коммиссіи, образованной примѣнительно къ ст. ст. 9—14 Гаагской конвенціи 17 (29) іюля 1899 г. о мирномъ разрѣшеніи международныхъ столкновеній, выясненіе путемъ безпристрастнаго и добросовѣстнаго разслѣдованія фактическихъ обстоятельствъ, которыя касаются происшествія въ Сѣверномъ морѣ въ ночь съ 8 на 9 (21 на 22) октября 1904 года, когда орудійными выстрѣлами русскаго флота было потоплено одно судно и причинена смерть двумъ лицамъ изъ состава англійской рыбачьей флотиліи, а также повреждены другія суда этой флотиліи и поранено нѣсколько лицъ изъ экипажа означенныхъ судовъ; вслѣдствіе сего нижеподписавшіеся, надлежащимъ образомъ къ тому уполномоченные, условились о слѣдующихъ постановленіяхъ:

Статья I. Международная слѣдственная комиссія будетъ состоять изъ 5 членовъ (комиссаровъ), изъ коихъ двое назначаются изъ высшихъ чиновъ Императорскаго россійскаго и британскаго флотовъ. Правительства Франціи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ будутъ приглашены каждое выбрать въ качествѣ членовъ комиссіи по одному изъ своихъ высшихъ морскихъ чиновъ. Пятый членъ избирается по соглашенію четырехъ вышеупомянутыхъ членовъ.

Въ случаѣ, если бы не послѣдовало соглашенія между четырьмя комиссарами относительно выбора пятаго члена коммиссіи, къ Его Величеству Императору Австрійскому Королю Венгерскому будетъ обращена просьба о назначеніи такового.

Каждая изъ обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ равнымъ образомъ назначитъ юрисконсульта-асессора съ совѣщательнымъ голосомъ и особаго агента, съ порученіемъ имъ оффиціально участвовать въ трудахъ комиссіи.

Статья II. Комиссія должна будетъ произвести разслѣдованіе и составить докладъ о всѣхъ обстоятельствахъ, относящихся къ происшествію въ Сѣверномъ морѣ, и въ частности по вопросу объ отвѣтственности, а также о степени порица-

нія, могущаго касаться подданныхъ обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ или другихъ государствъ, въ случаѣ если отвѣтственность ихъ будетъ установлена разслѣдованіемъ.

Статья III. Комиссія подробно опредѣлитъ порядокъ производства, которому она будетъ слѣдовать для исполненія возложенной на нее задачи.

Статья IV. Обѣ высокія договаривающіяся стороны обязуются доставлять международной слѣдственной комиссіи, въ самой широкой мѣрѣ, какую онѣ сочтутъ возможной, всѣ облегченія и средства, необходимыя для полнаго ознакомленія съ обстоятельствами дѣла и для точной ихъ оцѣнки.

Статья V. Комиссія соберется въ Парижѣ въ скорѣйшемъ, по возможности, времени послѣ подписанія сего соглашенія.

Статья VI. Комиссія представитъ обѣимъ высокимъ договаривающимся сторонамъ свой докладъ, подписанный всѣми членами комиссіи.

Статья VII. Комиссія будетъ постановлять всѣ свои рѣшенія большинствомъ голосовъ изъ числа пяти комиссаровъ.

Статья VIII. Обѣ высокія договаривающіяся стороны обязуются на началахъ взаимства принять каждая на свой счетъ расходы по разслѣдованію, произведенному ими до созванія комиссіи. Что касается расходовъ, которые будутъ сдѣланы международной слѣдственной комиссіей съ момента ея созванія, въ видахъ организаціи ея дѣятельности и необходимыхъ разслѣдованій, то таковые будутъ нести совмѣстно оба Правительства.

Въ удостовѣреніе чего нижеподписавшіеся подписали настоящую декларацію и приложили къ ней печати своихъ гербовъ.

Учинено въ двухъ экземплярахъ въ С.-Петербургѣ 12 (25) ноября 1904 года,

(Подп.) Графъ Ламсдорфъ (М. П.) (Подп.) Чарльзъ Гардингъ (М. П.).

Документъ этотъ важенъ въ особенности въ томъ отношеніи, что является первымъ опытомъ созданія слѣдственной комиссіи для мирнаго разрѣшенія международныхъ столкновеній, и долженъ, потому, послужить прецедентомъ для будущаго.

X.

Пока русское и англійское правительства вырабатывали соглашеніе о созывѣ въ Парижѣ международной слѣдственной комиссіи, въ Гуллѣ, по порученію мѣстныхъ властей, производилось слѣдствіе о происшествіи у Доггеръ-банки.

Директоръ рыболовной компаніи Гэмкокъ, конечно, заявилъ, что никогда не укрывалъ на судахъ рыболовнаго флота ни военныхъ припасовъ, ни японцевъ и что его никогда не просили о согласіи сдѣлать что-либо подобное. Другіе свидѣтели дали такое же показаніе, но Карръ, такъ называемый „адмиралъ“ рыболовнаго флота, показалъ, что когда подходила русская эскадра, то онъ дѣйствительно замѣтилъ одно судно, приближавшееся съ восточной стороны: національности этого судна онъ не могъ различить, но полагалъ, что это русское судно.

Равнымъ образомъ, Кастелло, бывшій на одномъ изъ рыболовныхъ судовъ, удостовѣрилъ, что въ то время, когда русскія военныя суда стрѣляли, онъ замѣтилъ съ подвѣтренной стороны какое-то судно, которое онъ по ошибкѣ (?) принялъ за миноноску.

Въ послѣдующихъ засѣданіяхъ гулльская мѣстная комиссія выслушала показанія, какъ объ имущественномъ положеніи раненыхъ и убитыхъ моряковъ, а также и по вопросу о вознагражденіи за понесенныя во время происшествія рыбачьими судами поврежденія. Всѣ были поражены чрезмѣрностью и произвольностью заявленныхъ потерпѣвшими требованій. Между прочимъ, хозяинъ судна „Mind“ потребовалъ 150 ф. ст. за полученныя раны и 500 ф. ст. за спасеніе судна „Mino“, хозяинъ судна „Gull“—50 ф. ст. за полученныя раны и 2000 ф. ст. за спасеніе экипажа „Crane“. Другіе рыбаки

потребовали вознагражденія за убытки отъ 50 до 100 ф. ст. каждый. При этомъ, было заявлено, что требованія хозяевъ судовъ „Gull“ и „Mino“ вознагражденія за убытки по спасенію жизни и имущества включаютъ въ себѣ суммы, подлежащія распредѣленію между чинами командъ. Представитель судохозяевъ потребовалъ, чтобы каждому моряку, оставшемуся невредимымъ, но потерпѣвшему отъ нервнаго потрясенія, было уплачено по 50 ф. ст. Диксонъ, старшій инженеръ „Crane“, высказалъ опасеніе, что онъ никогда не возстановитъ своего здоровья и потребовалъ 1500 ф. ст. Смазчикъ Альмондъ, раненый въ руку и глазъ, потребовалъ 1000 ф. ст. Требовали вознагражденія и совсѣмъ не пострадавшіе ни лично, ни имущественно, просто за „нервное потрясеніе“ и „испугъ“. Требовали, наконецъ, вознагражденія всѣ находившіеся на рыбачьей флотиліи рыбаки и не рыбаки, и даже отсутствовавшіе, но такъ или иначе причастные къ судамъ и заболѣвшіе отъ испуга за ихъ участь. За этотъ испугъ они желали получить 3000 ф. ст. (около 28000 р.) кромѣ всѣхъ прочихъ требованій.

Повидимому, сами судовладѣльцы сначала признавали свое дѣло не особенно твердо обоснованнымъ, потому что просили комиссію обсудить ихъ требованія при закрытыхъ дверяхъ.

Находившійся при рыбачьей флотиліи плавучій госпиталь отказался отъ всякаго вознагражденія, кромѣ уплаты по счету за исправленіе поврежденій въ суммѣ 50000 руб., выразивъ, однако, надежду, что Россія оцѣнитъ услуги, оказанныя имъ пострадавшимъ рыбакамъ, и добровольно пожертвуетъ на его дѣло, сколько сочтетъ нужнымъ.

Русскимъ представителемъ въ международную слѣдственную комиссію былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Казнаковъ, который 4-го декабря и отправился въ Парижъ, вмѣстѣ съ двумя представителями министерства иностранныхъ дѣлъ барономъ Таубе и Мандельштамомъ и четырьмя свидѣтелями: капитаномъ Кладо, лейтенантами Шрамченко и Эллисомъ и мичманомъ Оттомъ.

Первое засѣданіе международной комиссіи по разслѣдованію гулльскаго происшествія произошло въ зданіи министерства иностранныхъ дѣлъ 9-го декабря и было открыто адмираломъ Казнаковымъ, какъ старшимъ изъ всѣхъ комиссаровъ. Комиссарами этими были: отъ Франціи—адмиралъ Фурнье, отъ Англіи—адмиралъ Бомонтъ и отъ Соединенныхъ Штатовъ—адмиралъ Дэвисъ. По предложенію русскаго делегата, Фурнье

былъ избранъ предсѣдателемъ и пригласилъ своихъ сотоварищей избрать пятаго комиссара—выборъ ихъ единогласно палъ на австрійскаго адмирала барона Шпауна.

Второе засѣданіе комиссіи происходило 27-го декабря, а за этотъ промежутокъ времени адмиралъ Казнаковъ, по болѣзни, былъ отозванъ изъ Парижа и замѣненъ вице-адмираломъ Дубасовымъ. Во второмъ засѣданіи обсуждался порядокъ дѣлопроизводства комиссіи, причемъ было рѣшено, что публичными будутъ засѣданія, посвященныя изложенію обстоятельствъ дѣла и допросу свидѣтелей, а также послѣднее засѣданіе, въ которомъ комиссія объявитъ о результатѣ своихъ трудовъ и о заключеніи, къ которому она придетъ.

Помимо закрытыхъ засѣданій, на которыя, по рѣшенію комиссіи, могутъ быть допущены и нѣкоторыя постороннія лица, будутъ происходить тайныя совѣщанія адмираловъ безъ участія юрисконсультовъ, за исключеніемъ случаевъ, когда послѣдуетъ особое имъ приглашеніе отъ адмираловъ. Результаты этихъ совѣщаній могутъ и не быть оглашаемы.

Слѣдственная процедура должна была начаться съ изложенія обстоятельствъ дѣла. Первымъ такое изложеніе дѣлаетъ англійскій агентъ, а за нимъ сообщитъ свою версію агентъ русскій. Текстъ этихъ документовъ оба агента должны сообщить другъ другу за два дня до перваго публичнаго засѣданія комиссіи. Затѣмъ, комиссія перейдетъ къ допросу свидѣтелей.

Послѣдніе два параграфа регламента гласили, что „когда комиссары насколько возможно освѣдомятся по всѣмъ пунктамъ, они устроютъ между собою окончательное совѣщаніе въ закрытомъ совѣщаніи и выработаютъ текстъ своихъ заключеній, согласно ст. IV декларації 12-го (25) ноября 1904 г. По прочтеніи этихъ заключеній, комиссары выслушаютъ возможныя замѣчанія на нихъ и затѣмъ рѣшатъ, какіе выводы можно сдѣлать изъ всего производства (verront quelles conclusions ils pourront tirer des débats), послѣ чего они утвердятъ оффиціальный отчетъ о своихъ занятіяхъ“.

Послѣ этихъ двухъ, такъ сказать, подготовительныхъ засѣданій, 6-го января 1905 г. состоялось первое засѣданіе международной комиссіи въ полномъ составѣ. Въ залѣ присутствовала многочисленная публика, въ томъ числѣ много дамъ, дипломатовъ — между ними секретарь японской миссіи — и журналистовъ.

Предсѣдатель предложилъ англійскому агенту О'Бэрну

прочесть представленный англійскимъ правительствомъ докладъ о происшествіи въ Сѣверномъ морѣ.

Докладъ начинается съ упоминанія о томъ, что 8 октября 1904 г. вечеромъ шведское торговое судно подверглось бомбардировкѣ со стороны одного изъ судовъ русской эскадры. Затѣмъ говорится, что въ тотъ же день, около полуночи, англійскіе рыбаки ловили рыбу у Доггеръ-банки, у 55° 18′ сѣверной широты и 5о восточной долготы. Рыбачьихъ судовъ было 30 и на нихъ по обѣимъ сторонамъ носовой части красовалось по одной прописной буквѣ и цифрѣ; кромѣ того, на каждомъ изъ нихъ, у кормы, были четко выписанное названіе судна и ясно видный знакъ на трубѣ. Ночью 8-го октября на всѣхъ этихъ судахъ были выставлены соотвѣтствующіе огни. Въ моментъ канонады, открытой русскими судами, на большинствѣ судовъ были еще выставлены керосиновыя лампы. Около полуночи 8-го октября 1904 г. была пущена зеленая ракета съ судна, на которомъ находился „адмиралъ“, командовавшій рыболовной флотиліею. Ракета была сигналомъ, означавшимъ приказъ спустить рыболовныя сѣти. Нѣкоторыя рыбачьи суда пошли въ разныя направленія, дѣлая 2½ узла. Туманъ ни на одну минуту не былъ до того густъ, чтобы сквозь него нельзя было замѣтить огни лодокъ, даже самыхъ отдаленныхъ. Вдругъ сидѣвшіе въ шлюпкахъ рыбаки увидѣли, какъ нѣсколько русскихъ военныхъ судовъ одно за другимъ появились съ сѣверо-востока и, освѣтивъ рыбачьи лодки прожекторами, пошли на сѣверъ, давая при этомъ сигналы. Затѣмъ появились другіе корабли, которые, идя къ югу, остановились послѣ нѣсколькихъ сигналовъ, освѣтили рыбачьи лодки и начали стрѣлять въ нихъ, хотя лодки эти и можно было разсмотрѣть.

Почти одновременно съ этимъ появились также нѣсколько южнѣе и другія военныя суда. Одно изъ нихъ начало стрѣлять въ находящееся на далекомъ разстояніи рыбачье судно и, несмотря на сигналы командовавшаго рыбачьей флотиліею, продолжало канонаду. Ни одинъ изъ русскихъ кораблей не оказалъ помощи пострадавшимъ лодкамъ и не предлагалъ ея. Потомъ, всѣ русскія суда ушли на юго-западъ, гдѣ и скрылись изъ виду. Около 7 ч. утра другое военное судно открыло огонь противъ одной рыбачьей лодки, продолжавшей ловить рыбу.

Во время канонады въ русскій крейсеръ „Аврора“ попало нѣсколько русскихъ снарядовъ. Никакихъ другихъ военныхъ

судовъ вблизи рыбачьихъ лодокъ не было. Суда не везли военнаго матеріала. Въ морѣ не было никакихъ японскихъ военныхъ судовъ и ни на одной изъ рыбачьихъ лодокъ не было также ни одного японца. Русскими снарядами была пущена ко дну одна лодка и серьезно повреждены 5 другихъ лодокъ. При этомъ были убиты 2 человѣка и ранено 6 человѣкъ. По словамъ доклада, рыбачьи лодки подверглись нападенію русскихъ судовъ безъ предупрежденія съ ихъ стороны и не сдѣлавъ вызова сами.

Послѣ прочтенія версіи англійскаго правительства, русскій агентъ Неклюдовъ приступилъ къ чтенію изложенія дѣла другой стороной—русскимъ правительствомъ. Вотъ въ общихъ чертахъ это изложеніе: „Съ самого начала снаряженія второй эскадры русское правительство начало получать сообщенія о тѣхъ мѣрахъ, которыя предпринимались японцами для прегражденія пути эскадрѣ посредствомъ секретно подготовленныхъ въ различныхъ пунктахъ нападеній, главнымъ образомъ въ датскихъ водахъ. Вслѣдствіе этого, русское правительство и приняло мѣры предосторожности".

Затѣмъ указывается на путь, котораго держалась эскадра.

„8 октября, около полуночи, небо покрылось тучами, горизонтъ исчезъ въ туманѣ. Въ 12 ч. 55 м. на 18° сѣверной широты и 5°42′ восточной долготы съ адмиральскаго броненосца „Князь Суворовъ" были замѣчены въ направленіи его кронбалковъ силуэты двухъ маленькихъ судовъ, которыя приближались съ большою скоростью и съ потушенными огнями на встрѣчу броненосцамъ. На судахъ всего отряда немедленно зажглись всѣ электрическіе прожекторы и стали освѣщать море въ разныхъ направленіяхъ. Какъ только подозрительныя суда оказались въ полосѣ электрическаго свѣта и сдѣлалось очевиднымъ, что это миноносцы, съ эскадры былъ немедленно открытъ противъ нихъ огонь.

„Вслѣдъ за этимъ, тотчасъ же было обнаружено вблизи русскихъ судовъ и въ полосѣ, освѣщенной ихъ прожекторами, присутствіе сначала одного, а потомъ нѣсколькихъ маленькихъ пароходовъ, похожихъ на рыбачьи; на нѣкоторыхъ изъ нихъ не было обычныхъ огней, на другихъ огни появились позже и, наконецъ, третьи бросились на перерѣзъ отряду русскихъ судовъ. Адмиралъ принималъ всѣ мѣры, чтобы избѣгнуть попаданія въ рыбачьи суда, но необходимость защитить броненосцы отъ явной опасности минной атаки, заставляла продолжать огонь, несмотря на очевидный рискъ попаданія снарядовъ не только въ рыболовныя суда, но и въ

свои собственные корабли, что въ дѣйствительности и произошло и было тотчасъ же замѣчено относительно „Дмитрія Донскаго“ и „Авроры“.

„Между тѣмъ, оба замѣченные миноносца стали удаляться и затѣмъ исчезли. Тогда огонь съ броненосцевъ прекратился, всего онъ продолжался около 10 минутъ.

„Такъ какъ вице-адмиралъ Рожественскій не зналъ, исчезла ли всякая опасность со стороны миноносцевъ или не исчезла, то онъ не счелъ возможнымъ остановиться и продолжалъ путь, несмотря на опасенія, что снарядами могли быть причинены поврежденія рыболовнымъ судамъ. Поэтому, то судно, которое, согласно первымъ показаніямъ рыболововъ, оставалось на мѣстѣ происшествія до утра, ни въ какомъ случаѣ не могло принадлежать къ составу русской эскадры“.

Русскій докладъ заканчивался слѣдующими словами: „Принимая во вниманіе эти обстоятельства, сопровождавшіяся гибелью одного судна, смертью двухъ человѣкъ и поврежденіемъ другихъ судовъ англійской національности,—принимая во вниманіе собранныя доказательства и показанія русскихъ офицеровъ, бывшихъ свидѣтелями происшествія, а также сообщенныя русскому правительству показанія другихъ лицъ различныхъ національностей, мы вправѣ утверждать, что вице-адмиралъ Рожественскій, на которомъ лежала тяжелая отвѣтственность за сохраненіе цѣлости ввѣренныхъ ему силъ, не только имѣлъ право, но находился въ абсолютной необходимости дѣйствовать именно такъ, какъ онъ дѣйствовалъ, т. е., отдавая себѣ ясный отчетъ въ поврежденіяхъ, которыя онъ могъ причинить мирнымъ рыбакамъ, подданнымъ нейтральной державы, онъ все-таки долженъ былъ воспользоваться всѣми своими средствами, чтобы истребить миноносцы, атаковавшіе его эскадру“.

Въ засѣданіи комиссіи 12 января допрошено было нѣсколько свидѣтелей, которые очень бойко отвѣчали, что никакихъ японскихъ миноносцевъ среди рыбачьихъ судовъ не было, и вообще на эти послѣднія не грузили ни минъ, ни какихъ-либо подозрительныхъ приспособленій, — въ остальномъ свидѣтели вдавались въ массу ненужныхъ и крайне скучныхъ подробностей. Интереса заслуживаетъ лишь образъ дѣйствій Томаса Карра, „адмирала“ рыболовной флотиліи. Во время первоначальнаго разслѣдованія, произведеннаго въ Гуллѣ по распоряженію Board of Trade, онъ заявлялъ, какъ то сказано выше, что видѣлъ судно неизвѣстной національности, приближавшееся съ востока въ то время, какъ рус-

ская эскадра подходила къ Доггеръ-банкѣ. Въ засѣданіи же комиссіи Томасъ Карръ точно воды набралъ въ ротъ относительно этого обстоятельства, вдавшись въ пространные разсказы о пущенныхъ имъ ракетахъ.

Въ слѣдующемъ засѣданіи, восьмой свидѣтель Джорджъ Гринъ, капитанъ судна „Gull“, далъ важное показаніе. На послѣдовательные вопросы онъ объяснилъ, что послѣ канонады онъ замѣтилъ присутствіе иностраннаго судна, сначала безъ огней, а потомъ съ краснымъ и бѣлымъ огнями. Онъ не можетъ достовѣрно сказать, было ли это рыболовное судно, потерпѣвшее крушеніе, вслѣдствіе артиллерійской стрѣльбы, или миноносецъ.

Другой свидѣтель Гарри Смитъ, машинистъ рыболовнаго судна, подобравшаго раненыхъ и оставшихся въ живыхъ съ погибшаго „Crane“, показалъ, что, будучи въ продолженіе десяти дней въ составѣ рыболовной флотиліи, онъ не видѣлъ въ тѣхъ мѣстахъ иностраннаго судна. Однако, въ ту ночь, когда произошелъ инцидентъ, ему показалось, что по близости находилось подобное судно, но затѣмъ онъ узналъ въ послѣднемъ рыболовное судно безъ огней.

Съ допросомъ свидѣтелей, происходившимъ въ засѣданіи комиссіи 14 января, связано какое-то таинственное обстоятельство, такъ и оставшееся невыясненнымъ: докторъ Кольмеръ, врачъ судна „Alpha“, на вопросъ о присутствіи японцевъ на этомъ суднѣ заявилъ подъ честнымъ словомъ, что никогда не видѣлъ ихъ на „Alpha“. Тогда одинъ изъ русскихъ представителей, баронъ Таубе, спросилъ, не знаетъ ли свидѣтель нѣкоего Даніельсона, находившагося на „Alpha“, Кольмеръ отвѣтилъ отрицательно.

Допрошенный послѣ Кольмера хозяинъ „Alpha“ точно также утверждалъ, что Даніельсона не было на его суднѣ. На слѣдующій день свидѣтель былъ снова передопрошенъ, чтобы получить отвѣтъ на вопросъ, возможно ли допустить присутствіе японцевъ на судахъ рыболовной флотиліи и извѣстенъ ли свидѣтелю нѣкій Даніельсонъ. На оба вопроса послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ.

Послѣ этого имя Даніельсона исчезаетъ и остается вполнѣ невыясненнымъ, почему именно заинтересовался баронъ Таубе этимъ лицомъ, почему имя его, какъ тѣнь, проскользнуло въ протоколахъ комиссіи и исчезло такъ же быстро, какъ пришло. Между тѣмъ, баронъ Таубе, вѣроятно, имѣлъ вѣскія основанія, когда ставилъ свой вопросъ, и можно лишь

пожалѣть, что къ обстоятельству этому болѣе не возвращались и оно осталось въ какомъ-то загадочномъ полумракѣ.

Изъ порядка послѣдовательности ставившихся по этому поводу вопросовъ можно было бы, пожалуй, догадываться, что русскимъ представителямъ было извѣстно, что на суднѣ „Alpha“ былъ японецъ и скрывался онъ тамъ подъ именемъ Даніельсона. Если эта догадка справедлива, то лишь вдвойнѣ жаль, что не было употреблено болѣе усилій къ выясненію личности таинственнаго незнакомца.

Интересъ засѣданія комиссіи 17 января сосредоточился на показаніи гулльскаго рыбака Кастелло, заявившаго прежде всего, что онъ не видѣлъ ни одного иностраннаго судна между пароходами рыболовной флотиліи. Во время канонады свидѣтель замѣтилъ черный предметъ, который можно было принять за миноносецъ, но онъ думаетъ, что это было миссіонерское судно „Alpha“. На вопросъ вице-адмирала Дубасова: на чемъ основываетъ онъ подобное предположеніе, Кастелло объяснилъ, что такое предположеніе сдѣлано было имъ дней 8 — 9 спустя послѣ происшествія и послѣ возвращенія въ Гулль, когда онъ посмотрѣлъ на карту. Вице-адмиралъ Дубасовъ показалъ тогда свидѣтелю на картѣ мѣстонахожденіе какъ его парохода, такъ и „Alpha“. Между обоими пароходами находились четыре другихъ судна, стало быть черный предметъ находился между другими пароходами, на которыхъ были обычные огни.

На послѣдовавшій, затѣмъ, вопросъ англійскаго юрисконсульта Пикфорда относительно чернаго предмета, Кастелло настаиваетъ, что онъ былъ имъ замѣченъ во время канонады, минутъ десять спустя послѣ ея начала.

Предсѣдатель, адмиралъ Фурнье, въ свою очередь разспрашивалъ свидѣтеля съ цѣлью получить ясный отвѣтъ относительно положенія чернаго предмета въ моментъ происшествія, но Кастелло нѣсколько разъ давалъ уклончивые отвѣты, а на новыя настоянія Фурнье, показалъ жестами положеніе различныхъ пароходовъ. Фурнье обратилъ вниманіе на то, что между показаніями свидѣтеля и расположеніемъ флотиліи по картѣ существуетъ разнорѣчивость, но несмотря на всѣ свои настоянія съ цѣлью выяснить этотъ пунктъ и несмотря на полную ясность своего вопроса, онъ не добился удовлетворительнаго отвѣта. По требованію Неклюдова была устроена очная ставка между Кастелло и капитанами рыболовныхъ пароходовъ Грина и Сморка, которые и заявили, что не видѣли чернаго предмета. Представитель русскаго министерства

иностранныхъ дѣлъ Мандельштамъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы удостовѣрить разногласіе въ показаніяхъ свидѣтелей во время слѣдствія въ Гуллѣ и предъ международною комиссіею въ Парижѣ.

XI.

Въ засѣданіи комиссіи 18 января было приступлено къ допросу русскихъ офицеровъ.

По просьбѣ Неклюдова, рѣшено было сначала выслушать лейтенанта Вальронда, который обмѣнялся съ вице-адмираломъ Рожественскимъ радіографическими телеграммами. Показаніе его было очень кратко и ограничилось напоминаніемъ о фактѣ отправленія и полученія телеграммъ.

Затѣмъ, было рѣшено, по просьбѣ англійскихъ делегатовъ, что показанія русскихъ будутъ даны сперва на русскомъ языкѣ, потомъ переведены на французскій языкъ и тогда уже прочитаны комиссіи, для облегченія производства допроса съ англійской стороны.

Второй свидѣтель, капитанъ Кладо, въ качествѣ второго флагманскаго офицера, находился на адмиральскомъ броненосцѣ. Въ 12 ч. ночи 8 октября онъ принялъ вахту отъ перваго флагманскаго офицера. Луна была видна, но по временамъ закрывалась облаками. Горизонтъ чистый. Качка довольно сильная. Эшелоны эскадры съ малыми крейсерами и миноносками находились на разстояніи 50 миль. Немного ранѣе часа ночи свидѣтель замѣтилъ зеленую ракету. Сейчасъ же командиръ и сигнальщикъ обратили его вниманіе на то, что на горизонтѣ появилось судно, надъ которымъ стлался дымъ. Наблюденіе производилось при помощи ночного бинокля. Когда освѣтили прожекторомъ, подтвердилось предположеніе, что это была миноноска. Казалось, что судно имѣетъ не менѣе 2 трубъ. Сейчасъ же со всѣхъ судовъ открыли огонь. Затѣмъ замѣтили судно, почти наскочившее на суда эскадры, и произвели маневръ, чтобы его не раздавить и въ то же время избѣжать мины. Кладо замѣтилъ, что это рыбачій пароходъ съ одной трубой и распущенной бизанью. Затѣмъ передъ носомъ „Князя Суворова“, на разстояніи 15 кабельтововъ, прожекторъ открылъ вторую миноноску. Очень отдаленный прожекторъ, вѣроятно съ другого эшелона эскадры, позволялъ лучше видѣть лѣвую миноноску.

Былъ отданъ приказъ не стрѣлять въ рыболовныя суда.

Послѣ этого, капитанъ Кладо сообщилъ подробности о способахъ, примѣненныхъ эскадрой для избѣжанія необходимости стрѣлять по англійскимъ рыбакамъ. Далѣе онъ показалъ, что оба миноносца, замѣтивъ, что они обнаружены, стали расходиться по различнымъ направленіямъ. Правый миноносецъ исчезъ черезъ 3—4 минуты. Лѣвый виденъ былъ дольше. Въ общемъ стрѣльба длилась около 9 минутъ.

Показанія капитана Кладо произвели очень благопріятное впечатлѣніе.

Допрошенный, затѣмъ, лейтенантъ Эллисъ показалъ, что около 8 часовъ вечера онъ принялъ вахту на броненосцѣ „Императоръ Александръ III“; до 12 часовъ ночи не было замѣчено ничего особеннаго, но въ первомъ часу ночи что-то блеснуло справа отъ носа. Экипажъ удвоилъ бдительность. Черезъ пять минутъ, „Князь Суворовъ“ открылъ боевое освѣщеніе, броненосецъ „Императоръ Александръ III“ послѣдовалъ его примѣру. Въ эту минуту Эллисъ увидѣлъ справа отъ носа, въ разстояніи около двухъ миль, миноносецъ, быстро направлявшійся къ головному кораблю. Эллисъ сейчасъ же взбѣжалъ на башню и сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, сначала изъ праваго, а затѣмъ изъ лѣваго орудія. При этомъ онъ видѣлъ, какъ снаряды рвались вокругъ миноносца, который, получивъ по всей вѣроятности поврежденіе, ушелъ налѣво. Почти одновременно съ этимъ Эллисъ увидѣлъ нѣсколько рыболовныхъ судовъ. Одно изъ нихъ было особенно ясно видно около броненосца „Князь Суворовъ“ безъ огней и казалось поврежденнымъ.

Свидѣтель лейтенантъ Шрамченко, офицеръ съ броненосца „Бородино“, разсказалъ, что при выходѣ изъ Либавы эскадра приготовилась ко всевозможнымъ случайностямъ, такъ какъ была получена секретная телеграмма, извѣщавшая о присутствіи въ морѣ непріятельскихъ судовъ; нѣсколько позже, контръ-адмиралъ Энквистъ предупредилъ по безпроволочному телеграфу, что слѣдуетъ опасаться минной атаки. Поэтому, эскадра часто мѣняла путь. Въ ночь на 9-ое октября въ первомъ часу онъ находился внизу въ каютѣ, какъ вдругъ услышалъ сигналъ, означавшій минную атаку, и бросился на площадку къ боевымъ фонарямъ. „Бородино“ еще не стрѣлялъ, а прожекторы изслѣдовали горизонтъ. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ Шрамченко увидѣлъ съ праваго борта, на разстояніи пятнадцати кабельтововъ низкобортное судно, въ которомъ всѣ безъ малѣйшаго колебанія признали миноносецъ. Свидѣ-

тель прибавляетъ, что, какъ минный офицеръ, ошибиться онъ не могъ. Миноносецъ былъ чернаго цвѣта и эскадреннаго типа; на немъ было не менѣе двухъ трубъ. Съ лѣваго же борта, впереди траверса на разстояніи 12 кабельтововъ свидѣтель увидѣлъ бортъ второго миноносца, ярко выдѣлявшагося на горизонтѣ, освѣщенномъ далекими прожекторами.

Въ засѣданіи комиссіи 19-го января капитану Кладо пришлось отвѣчать на цѣлый градъ вопросовъ, касавшихся различныхъ частей даннаго уже имъ показанія.

Прежде всего, Неклюдовъ спрашивалъ, какимъ образомъ русскіе морскіе офицеры могли увидѣть суда, находившіяся на разстояніи двухъ миль, въ то время, какъ, по мнѣнію рыболововъ, видѣть на разстояніи полумили или трехъ четвертей мили нѣтъ никакой возможности.

На это капитанъ Кладо отвѣтилъ, что съ броненосцевъ можно видѣть на болѣе значительное разстояніе, такъ какъ капитанскій мостикъ въ шесть разъ выше мостика рыболовныхъ судовъ.

Отвѣчая на вопросъ англійскаго юрисконсульта Пикфорда, Кладо сказалъ, что на разстояніи 18—20 кабельтововъ можно принять другое судно за миноносецъ лишь тогда, когда не дѣйствуютъ прожекторы. „Однако, въ ту ночь, когда произошелъ инцидентъ“, продолжалъ Кладо,—„на горизонтѣ были видны низко стлавшіеся клубы дыма, свидѣтельствовавшіе, что тамъ очень быстро двигается какое-то судно. Мы сразу подумали, что это—миноносцы. Потомъ, когда засвѣтились прожекторы, мы увидѣли также и нѣкоторыя детали, какъ напр. короткія трубы; это-то и убѣдило насъ окончательно, что передъ нами дѣйствительно миноносецъ“.

На дальнѣйшіе, настойчивые вопросы Пикфорда, Кладо отвѣтилъ, что онъ слишкомъ опытенъ для того, чтобы смѣшать обыкновенное судно съ миноносцемъ. Затѣмъ, ему пришлось дѣлать разъясненія о порядкѣ слѣдованія судовъ эскадры, о „Камчаткѣ“ и о деталяхъ артиллерійской стрѣльбы. По его мнѣнію, миноносецъ, замѣченный съ правой стороны, пошелъ ко дну, хотя самъ онъ этого не видѣлъ; что касается второго миноносца, то онъ пострадалъ, повидимому, менѣе.

При этомъ, капитанъ Кладо добавилъ, что всѣ офицеры были предупреждены, что имъ слѣдуетъ остерегаться миноносцевъ, но только одни командиры знали о донесеніи, что миноносцы превращены по внѣшнему виду въ рыболовныя суда. Образъ дѣйствій послѣднихъ сначала показался подозрительнымъ; потомъ же, когда ихъ внимательно разсмотрѣли

въ бинокли, они уже перестали казаться подозрительными и такъ какъ вице-адмиралъ Рожественскій далъ сигналъ не стрѣлять въ рыболовныя суда, то въ нихъ прямо и не стрѣляли.

По поводу объясненій, данныхъ капитаномъ Кладо, „Matin“ выразилъ мнѣніе, что поединокъ его съ англійскимъ адвокатомъ окончился полной побѣдой для русскихъ.

Послѣднимъ свидѣтелемъ допрашивался норвежскій подданный Христіансенъ, помощникъ капитана парохода „Adela“, который по пути изъ Джерсея въ Христіанію встрѣтилъ послѣдовательно 6-го и 7-го октября въ Сѣверномъ морѣ два неизвѣстныхъ судна. Первое судно было замѣчено рано утромъ 6-го октября: судно это остановилось и свидѣтель могъ наблюдать его въ теченіе 45 минутъ и дать подробное его описаніе. Второе онъ замѣтилъ на другой день въ 3 часа утра, но оно шло такъ быстро, что онъ могъ разглядѣть только, что оно было очень низко, длинно и имѣло лишь одну мачту. По мнѣнію свидѣтеля, суда эти, несомнѣнно, были миноносцы.

Показаніе это, очевидно, очень не понравилось англійскому юрисконсульту Пикфорду, который и сталъ предлагать свидѣтелю недовѣрчивымъ и недовольнымъ тономъ цѣлый рядъ вопросовъ, чтобы, повидимому, сбить его.

Показаніе Христіансена буква въ букву подтверждается показаніемъ капитана парохода „Adela“, сдѣланнымъ Неклюдову въ Христіаніи, и которое было прочтено Неклюдовымъ въ засѣданіи комиссіи.

На этомъ допросъ свидѣтелей былъ оконченъ и публичныя засѣданія слѣдственной комиссіи были прерваны на недѣлю для сличенія показаній; въ слѣдующемъ засѣданіи агенты Россіи и Англіи, Неклюдовъ и О'Бэрнъ, должны были представить свои заключенія.

31 января въ засѣданіи комиссіи были прочитаны заключенія, представленныя отъ имени русскаго и англійскаго правительствъ.

Англійскіе выводы, прочитанные О'Бэрномъ, изложены въ слѣдующихъ пунктахъ:

Свидѣтельскими показаніями и документами, представленными на разсмотрѣніе комиссіи, установлено:

1) Въ ночь съ 8 на 9 октября 1904 г. между британскими рыбачьими судами въ дѣйствительности не было ни миноносца, ни контръ-миноносца. Русскіе офицеры ошиблись, предполагая, что въ тѣхъ мѣстахъ или по близости находились суда такого рода, которыя атаковали или имѣли намѣреніе атаковать русскій флотъ.

2) Не было никакихъ достаточныхъ причинъ, чтобы оправ-

дать открытіе огня. Разъ огонь былъ открытъ, надо было контролировать стрѣльбу, чтобы избѣгнуть причиненія аварій рыболовной флотилій, а между тѣмъ этого не было сдѣлано. Огонь поддерживался слишкомъ долго, безъ видимой причины.

3) Команда русской эскадры должна была придти на помощь раненымъ рыбакамъ и судамъ, потерпѣвшимъ аваріи.

4) Никакой ошибки не сдѣлали ни рыбаки, ни тѣ, кто ими руководилъ.

О'Бернъ напомнилъ, что нѣсколько державъ, и между ними Японія, положительно заявили, что ни одинъ изъ принадлежащихъ имъ миноносцевъ не находилось близъ Доггербанки въ ночь съ 8 на 9 октября 1904 г., также и слухи о присутствіи какихъ-то миноносцевъ въ норвежскихъ фіордахъ ничѣмъ не подтвердились. Кромѣ того, многіе свидѣтели заявили, что не видѣли никакого иностраннаго военнаго судна во время инцидента, а изъ показаній судовладѣльца „Cannet" ясно вытекаетъ, что судно, согласно русскому докладу оставшееся на мѣстѣ происшествія до утра,—была „Камчатка".

Два свидѣтеля признаютъ, что приняли одно рыбачье судно за миноносецъ. Что же касается показаній Христіансена, то онъ ничего существеннаго не говоритъ, а ограничивается лишь заявленіемъ, что судно, замѣченное имъ 7 октября, шло весьма быстрымъ ходомъ и, кромѣ того, со всей скоростью удалялось отъ мѣста, гдѣ произошелъ инцидентъ.

Затѣмъ О'Бэрнъ разсматриваетъ тѣ основанія, которыя дали русскимъ офицерамъ поводъ вѣрить въ присутствіе какихъ-то миноносцевъ. Упомянувъ о заявленіи русскихъ делегатовъ, что русскій флотъ былъ предупрежденъ о присутствіи миноносцевъ въ Балтійскомъ морѣ, онъ замѣтилъ, что фактъ этотъ не былъ подтвержденъ ни однимъ свидѣтельскимъ показаніемъ.

Адмиралъ Рожественскій, уходя изъ Скагена, не могъ предварительно произвести разслѣдованія того пути, по которому должна была идти эскадра, и не могъ требовать, чтобы отдѣльные отряды судовъ постоянно находились на опредѣленныхъ между собою разстояніяхъ. Вслѣдствіе этого, безпокойство увеличилось, чему способствовалъ также стоявшій въ это время туманъ.

Невозможно утверждать, что на мѣстѣ происшествія дѣйствительно находился миноносецъ. Да и сами русскіе не говорятъ, что была пущена какая-либо мина. Русская эскадра дѣйствовала съ самаго начала съ чрезмѣрной поспѣшностью,

хотя у него не было ни одного серьезнаго основанія думать, что въ Сѣверномъ морѣ находятся японскіе миноносцы. Прежде чѣмъ открыть огонь, русскимъ офицерамъ слѣдовало бы хорошенько осмотрѣть море. Если бы они это сдѣлали, то увидѣли бы, что суда, принятыя ими за миноносцы, были ни чѣмъ инымъ, какъ русскими кораблями или безобидными рыбацкими судами. Между тѣмъ, русская эскадра пренебрегла разумными мѣрами предосторожности и тотчасъ же открыла огонь противъ рыболовныхъ судовъ, освѣщенныхъ прожекторами. И такъ какъ англійскіе рыбаки, какъ доказываетъ донесеніе адмирала Рожественскаго, подозрѣвались въ содѣйствіи атакѣ, то позволительно думать, что огонь нѣкоторымъ образомъ былъ направленъ противъ самихъ рыболовныхъ судовъ.

Затѣмъ О'Бэрнъ сообщаетъ, что въ половинѣ девятаго вечера пароходу „Камчаткѣ" показалось, будто на него производится нападеніе. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было, и „Камчатка" въ дѣйствительности стрѣляла въ нѣмецкое рыболовное судно „Sonntag" и шведскій пароходъ „Aldebaran". Лейтенантъ Вальрондъ не доказалъ присутствія миноносцевъ.

Затѣмъ О'Бэрнъ перешелъ къ объясненію относительно положенія разныхъ русскихъ судовъ въ моментъ катастрофы. По его словамъ, весьма возможно, что броненосецъ „Князь Суворовъ" принялъ силуэтъ „Авроры" за миноносецъ. Можно предположить, что рыбацкое судно „Alpha" и была тѣмъ чернымъ предметомъ, который капитанъ Кладо и лейтенантъ Эллисъ приняли за миноносецъ. Въ „Аврору" попало 5 снарядовъ, хотя въ донесеніи адмирала Рождественскаго объ этомъ не упоминается. Кромѣ того, ни одинъ изъ офицеровъ „Авроры" не былъ допрошенъ въ качествѣ свидѣтеля.

Сигналы съ рыболовныхъ судовъ, сдѣланные для того, чтобы остановить огонь русской эскадры, были, вѣроятно, сдѣланы слишкомъ поздно или же на нихъ не обратили вниманія. Кромѣ того, русскія суда не оказали помощи рыбацкимъ судамъ, пострадавшихъ отъ снарядовъ. Они даже не освѣдомились, каково положеніе рыбацкихъ судовъ. Между тѣмъ, послѣ того, какъ, такъ называемая, атака миноносцевъ была отбита, никакой опасности уже не было и ничто не могло помѣшать эскадрѣ оказать помощь рыболовамъ. Съ другой стороны, эскадрѣ необходимо было бы тотчасъ увѣдомить англійскія власти о происшедшемъ по безпроволочному телеграфу. Наконецъ, установлено, что ни на одномъ изъ рыболовныхъ судовъ не было боевого матеріала, не было ни одного японца или японскаго агента. Русское правительство не могло

дать ни малѣйшаго доказательства въ этомъ вопросѣ. Что касается самихъ рыболовныхъ судовъ, то они ничѣмъ не выдѣлялись и имѣли обычные огни. Упрекать ихъ въ желаніи перерѣзать путь эскадрѣ нельзя, такъ какъ, по международнымъ правиламъ, они должны были продолжать свой путь и именно эскадрѣ нужно было обойти ихъ.

Послѣ прочтенія англійскаго заключенія, Неклюдовъ читаетъ заключеніе русскаго правительства. Оно представляетъ изъ себя обширную записку, основная точка зрѣнія которой ничѣмъ не отличается отъ той, которая изложена въ докладѣ вице-адмирала Рожественскаго, прочитанномъ въ первомъ засѣданіи слѣдственной комиссіи. Эта точка зрѣнія заключается въ томъ, что на адмиралѣ лежала тяжелая отвѣтственность и что онъ не только имѣлъ законное право, но былъ обязанъ стрѣлять, хотя видѣлъ, что можетъ причинить вредъ мирнымъ рыбакамъ. Нанесенный послѣднимъ вредъ не отрицается и, поэтому, комиссіи нужно только отвѣтить на вопросъ, выполняла ли эскадра свой военный долгъ въ то время, когда стрѣляла.

Стрѣльба оправдывалась присутствіемъ миноносцевъ, которые полнымъ ходомъ шли на русскія суда. Огонь былъ направленъ противъ миноносцевъ и задѣлъ рыболовныя суда, лишь благодаря достойной сожалѣнія, но неизбѣжной случайности. Было сдѣлано все возможное, чтобы уменьшить рискъ попаданія въ рыболовныя суда. Огонь не былъ направленъ въ эти послѣднія, такъ какъ, по показаніямъ англичанъ, снаряды пролетали надъ флотиліей.

Г. Неклюдовъ приводитъ потомъ показанія русскихъ офицеровъ, защищаетъ мнѣніе, что миноносцы дѣйствительно находились вблизи эскадры и указываетъ на противорѣчія въ показаніяхъ англійскихъ свидѣтелей, данныхъ при допросѣ на слѣдствіи въ Гуллѣ и въ комиссіи въ Парижѣ. Присутствіе у Доггеръ-банки иностранныхъ миноносцевъ не подлежитъ сомнѣнію. Смѣшать миноносцы съ рыбачьими судами признается самыми рыбаками невозможнымъ, вслѣдствіе того, что миноносцы имѣютъ своеобразную, характерную форму, рѣзко ихъ отличающую. Эскадра контръ-адмирала Фелькерзама прошла же, вѣдь, за полчаса мимо рыболовныхъ судовъ и не ошиблась. Смѣшеніе же съ русскими миноносками, которыя, какъ подтвердили англійскіе свидѣтели, находились далеко впереди, также невозможно.

Затѣмъ, г. Неклюдовъ доказываетъ, что при нынѣшнемъ положеніи международнаго права, пущенныя рыболовными

судами ракеты не могутъ считаться общепринятымъ сигналомъ, обозначающимъ, что въ данномъ случаѣ приходится имѣть дѣло съ рыболовными, а не какими-либо другими судами. Вдобавокъ, на судахъ русской эскадры не могли бы и понять сигналовъ рыбаковъ, такъ какъ между Россіей и Англіей не существуетъ международнаго соглашенія по поводу сигналовъ.

Въ заключеніе, представленный г. Неклюдовымъ документъ говоритъ, что на вице-адмирала Рожественскаго не падаетъ ни малѣйшей отвѣтственности и что русское правительство сожалѣетъ о происшедшемъ случаѣ, жертвами котораго явились ни въ чемъ неповинные рыбаки и предлагаетъ вознаградить ихъ.

XII.

Въ засѣданіи 10 февраля члены комиссіи по разслѣдованію происшествія въ Сѣверномъ морѣ подписали свое постановленіе, которое должно было держаться въ секретѣ, пока оно не будетъ оффиціально сообщено русскому и англійскому правительствамъ. Тѣмъ не менѣе, толки о выводахъ, къ которымъ пришли комиссары, почти тотчасъ же распространились по всей Англіи и, по сообщенію изъ Лондона, „обѣ партіи палаты общинъ выразили немедленно же сильное удивленіе и огорченіе по поводу слуховъ, что гулльская комиссія рѣшаетъ дѣло въ пользу Россіи. Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что британское правительство приметъ рѣшеніе комиссіи, но въ парламентскихъ кругахъ сожалѣютъ о томъ, что, дѣло было передано такой комиссіи, и особенно о томъ, что русскіе, повидимому, избѣгнутъ всякаго порицанія за несчастное происшествіе у Доггеръ-банки, за исключеніемъ необходимости исполненія матеріальныхъ ихъ обязательствъ по отношенію къ пострадавшимъ“.

Когда же Агентство Рейтера опубликовало рѣшеніе комиссіи, то вся англійская консервативная печать безъ исключенія встрѣтила его оживленнымъ протестомъ. Лондонскія утреннія газеты отъ 10 февраля полны разочарованія, хотя и утверждаютъ единогласно, что Англія должна примириться съ такимъ рѣшеніемъ.

„Daily Graphic“ находилъ приговоръ комиссіи безусловно неудовлетворительнымъ. „Morning Post“ говорилъ, что „изъ него получается чудовищный выводъ, а именно, что мирное

нейтральное судно при исполненіи своихъ профессіональныхъ обязанностей не имѣетъ никакихъ правъ и никакой защиты отъ воюющихъ между собою державъ. Такой выводъ унижаетъ британскую націю въ глазахъ всего міра и виной тому недостатокъ твердости англійскаго правительства, согласившагося на учрежденіе этой комиссіи".

Эта „первая за нынѣшнюю войну побѣда Россіи", по выраженію „Daily Chronicle", вызвала бурю негодованія въ англійской печати, такъ какъ „надо признать, что Россія одержала побѣду; пораженіе британскаго правительства полное". „Daily Telegraph" точно также считалъ нужнымъ удостовѣрить дипломатическую побѣду Россіи.

„Morning Post" и „Standard" въ свою очередь заявляли что Англія имѣла возможность получить дипломатическимъ путемъ болѣе полное нравственное удовлетвореніе, чѣмъ то, которое она получила при посредствѣ третейскаго суда.

Нѣкоторые консервативные органы всплакнули даже, указавъ вообще на невозможность для Англіи добиться справедливости путемъ международнаго третейскаго суда.

Либеральная печать высказывалась менѣе горько, но также представлялась разочарованною.

Когда, однако, сдѣлался извѣстенъ офиціальный текстъ постановленія гулльской комиссіи, подвергшійся, какъ говорятъ, въ послѣднюю минуту, нѣкоторой переработкѣ съ цѣлью утишить волненіе англійской печати и народа, лондонскія газеты въ значительной степени измѣнили свой топъ.

„Daily Chronicle" между прочимъ писала: „На почвѣ фактовъ Англія одержала полную побѣду, въ отношеніи же выводовъ, побѣда склоняется на сторону Россіи—вотъ суть постановленія комиссіи, но мы думаемъ, что это рѣшеніе не дастъ полнаго удовлетворенія англійскому народу". „Morning Post" тоже замѣчалъ: „Постановленіе комиссіи, поддерживая защиту правъ нейтральныхъ державъ, вполнѣ подтверждаетъ заявленіе англичанъ, что обстрѣливаніе рыбачьихъ судовъ было непростительнымъ дѣйствіемъ. Можно предположить, что возобновленіе подобнаго нападенія будетъ впредь разсматриваться, какъ военное дѣйствіе".

По мнѣнію же „Times"'а, англійская публика прочтетъ постановленіе комиссіи съ чувствомъ законнаго удовлетворенія. Помимо того, основываясь на неизвѣстно какихъ данныхъ, „Times" выражаетъ надежду, что Россія выполнитъ взятыя ею на себя обязательства и выскажетъ адмиралу Рожествен-

скому порицаніе или подвергнетъ его наказанію, которое удовлетворяло бы требованіямъ справедливости.

Чтобы составить себѣ вѣрное предоставленіе о побѣдѣ или не побѣдѣ Россіи въ вопросѣ о происшествіи въ Сѣверномъ морѣ, необходимо ознакомиться съ полнымъ текстомъ постановленія международной слѣдственной комиссіи, прочитаннаго въ заключительномъ ея засѣданіи. Вотъ этотъ текстъ:

1. Комиссары послѣ тщательнаго и продолжительнаго разсмотрѣнія всѣхъ фактовъ о происшествіи, доведенныхъ до ихъ свѣдѣнія и отданныхъ имъ для изслѣдованія петербургской декларацією отъ 12 (25) ноября 1904 г., въ настоящемъ рапортѣ сдѣлали аналитическое изложеніе этихъ фактовъ въ раціональной послѣдовательности.

Сообщая оцѣнку комиссіи по всѣмъ важнымъ и рѣшающимъ пунктамъ этого краткаго рапорта, комиссары полагаютъ, что они пролили достаточно свѣта на причины и слѣдствія даннаго происшествія, равно какъ и на проистекающія изъ сего отвѣтственности.

2. Вторая русская эскадра Тихоокеанскаго флота, подъ главнымъ начальствомъ вице-адмирала генералъ-адъютанта Рожественскаго, бросила якорь 7 (20) октября 1904 г. у мыса Скагена съ цѣлью нагрузиться углемъ, прежде чѣмъ продолжать путь на Дальній Востокъ.

Повидимому, согласно установленнымъ распоряженіямъ, еще съ отплытія эскадры съ ревельскаго рейда, адмиралъ Рожественскій приказалъ находящимся подъ его командою судамъ принять тщательныя мѣры предосторожности для того, чтобы имѣть возможность отбить ночную атаку миноносцевъ, какъ во время движенія судовъ, такъ и во время стоянки ихъ на якорѣ.

Эта предосторожность, казалось, оправдывалась многочисленными свѣдѣніями агентовъ Императорскаго правительства относительно опасности отъ враждебныхъ покушеній, которыя по всѣмъ вѣроятіямъ должны были проявиться въ видѣ атакъ миноносцевъ.

Помимо этого, во время своего пребыванія въ Скагенѣ, адмиралъ Рожественскій былъ извѣщенъ о присутствіи подозрительныхъ судовъ на норвежскомъ берегу. Онъ, кромѣ того, узналъ отъ командира транспорта „Баканъ“, пришедшаго съ Ѣвера, что тотъ видѣлъ въ предыдущую ночь четыре миноносца, которые несли лишь одинъ огонь на вершинѣ мачты.

Эти извѣстія заставили адмирала выйти на двадцать четыре часа раньше предположеннаго срока.

3. Въ виду этого, каждый изъ шести разныхъ отрядовъ эскадры отдѣльно поднялъ якорь и вошелъ въ Сѣверное море независимо другъ отъ друга въ порядкѣ, указанномъ въ рапортѣ адмирала Рожественскаго, причемъ самъ онъ командовалъ послѣднимъ отрядомъ эскадры, состоявшимъ изъ четырехъ новыхъ броненосцевъ: „Князь Суворовъ“, „Императоръ Александръ III“, „Бородино“, „Орелъ“ и транспорта „Анадырь“.

Этотъ отрядъ покинулъ Скагенъ 7 (20) октября въ 10 часовъ вечера.

Было предписано идти со скоростью 12 узловъ первымъ двумъ отрядамъ, составленнымъ изъ миноносцевъ, и со скоростью 10 узловъ остальнымъ двумъ отрядамъ.

4. Между 1 час. 30 м. и 4 ч. 15 м. пополудни на другой день 8 (21) октября, всѣ отряды встрѣтились послѣдовательно съ англійскимъ пароходомъ „Zero“, капитанъ котораго разсмотрѣлъ всѣ суда эскадры съ настолько достаточной подробностью, что ихъ можно было узнать по сдѣланному имъ описанію.

Результаты его наблюденія, впрочемъ, въ общемъ схожи съ указаніями рапорта адмирала Рожественскаго.

5. Послѣднее судно, встрѣченное „Zero“, судя по данному капитаномъ описанію, было „Камчатка“.

Этотъ транспортъ, который въ началѣ былъ въ отрядѣ съ „Дмитріемъ Донскимъ“ и „Авророй“, оказался такимъ образомъ опоздавшимъ и уединеннымъ приблизительно на десять миль позади эскадры. Онъ вынужденъ былъ, вслѣдствіе порчи машины, уменьшить скорость своего хода.

Это опозданіе и явилось, можетъ быть, случайной причиной послѣдующихъ событій.

6. Въ самомъ дѣлѣ около шести часовъ вечера „Камчатка“ встрѣтила шведское судно „Aldebaran“ и другія неизвѣстныя суда, въ которыя она стрѣляла, повидимому, вслѣдствіе опасеній, возникшихъ у нея при настоящихъ условіяхъ, т. е. ея уединенности, поврежденій ея машины и ея небольшихъ военныхъ качествъ.

Какъ бы то ни было, но командиръ „Камчатки“ въ 8 ч. 45 м. сообщилъ по безпроволочному телеграфу главному командиру относительно этой встрѣчи извѣстіе, „что онъ былъ атакованъ со всѣхъ сторонъ миноносцами“.

7. Для того, чтобы отдать себѣ отчетъ въ томъ, какое вліяніе могло оказать это извѣстіе на дальнѣйшія рѣшенія амдирала Рожественскаго, надо принять во вниманіе, что, по

его предположеніямъ, нападающіе миноносцы, о присутствіи которыхъ ему было справедливо или несправедливо сообщено, должны были находиться миляхъ въ пятидесяти позади командуемаго имъ отряда и, стало быть, могли его настигнуть около часа пополуночи.

Это извѣстіе заставило адмирала Рожественскаго около 10 часовъ вечера подать своимъ судамъ сигналъ „удвоить бдительность и ожидать атаки миноносцевъ".

8. На борту „Суворова" адмиралъ счелъ необходимымъ, чтобы одинъ изъ двухъ штабъ-офицеровъ его штаба находился на дежурствѣ на командномъ мостикѣ въ теченіе ночи, съ цѣлью слѣдить вмѣсто него за движеніемъ эскадры и съ цѣлью увѣдомить его немедленно въ случаѣ какого-либо инцидента.

Кромѣ того, всѣмъ судамъ адмираломъ былъ вообще отданъ приказъ, что старшій вахтенный офицеръ имѣетъ право открыть огонь въ случаѣ явной или угрожающей атаки миноносцевъ.

Если атака грозитъ съ фронта, офицеръ долженъ открыть огонь по собственной иниціативѣ; въ случаѣ атаки съ тыла гораздо менѣе опасной, онъ долженъ доложить объ этомъ командиру.

Большинство комиссаровъ полагаетъ, что въ военное время и особенно при условіяхъ, которыя адмиралъ Рожественскій имѣлъ полное основаніе считать очень безпокойными, и въ виду невозможности для него проконтролировать достовѣрность предостереженій, полученныхъ отъ агентовъ русскаго правительства, въ такихъ приказахъ нѣтъ ничего особенно крайняго.

9. Около часу пополуночи 9 (22) октября 1904 года ночь была не особенно темная: низко стлавшійся и легкій туманъ заволакивалъ свѣтъ. Луна показывалась періодически, прорываясь сквозь облака. Вѣтеръ дулъ умѣренный съ юго-востока, разводя волненіе, дававшее судамъ боковую качку въ пять градусовъ.

Путь на юго-западъ, по которому шла эскадра, долженъ былъ, какъ это впослѣдствіи и оказалось, привести два заднихъ отряда къ мѣсту, близъ котораго обыкновенно находилась гулльская рыбачья флотилія, состоящая примѣрно изъ тридцати маленькихъ пароходовъ и разбросанная на пространствѣ въ нѣсколько миль.

Изъ согласныхъ показаній британскихъ свидѣтелей оказывается, что всѣ эти суда несли обязательные огни и крейсировали сообразно обыкновеннымъ правиламъ подъ руко-

водствомъ главнаго начальника рыбаковъ, который передавалъ указанія свои условными ракетами.

10. Согласно сообщеніямъ, полученнымъ по безпроволочному телеграфу, ничего необыкновеннаго не было замѣчено отрядами, которые предшествовали по этому пути отряду адмирала Рожественскаго. Потомъ было дознано, что адмиралъ Фелькерзамъ, вынужденный обойти флотилію рыбаковъ съ сѣвера, освѣтилъ съ очень близкаго разстоянія электрическими прожекторами ближайшихъ рыбаковъ и, опознавъ въ нихъ безвредныя суда, спокойно продолжалъ путь.

11. Чрезъ непродолжительное время въ свою очередь подошелъ къ мѣсту, близкому къ мѣсту рыбной ловли, послѣдній отрядъ эскадры, который имѣлъ впереди „Суворова“ подъ флагомъ адмирала Рожественскаго.

Путь этого отряда шелъ почти на самое ядро рыбачьей флотиліи, которую такимъ образомъ пришлось обойти, но не съ сѣвера, а съ юга. Въ это время вниманіе вахтенныхъ офицеровъ на мостикѣ „Суворова“ было привлечено зеленой ракетой, которая заставила ихъ насторожиться.

На самомъ дѣлѣ эта ракета, пущенная начальникомъ рыбачьей флотиліи, указывала, согласно условнымъ знакамъ, что рыбаки должны были тралить съ праваго борта и повернуть по вѣтру.

Почти непосредственно послѣ этой первой тревоги, судя по показаніямъ, лица, наблюдавшія въ бинокль съ мостика „Суворова“ горизонтъ, замѣтили на гребняхъ волнъ со стороны праваго борта приблизительно на разстояніи отъ восемнадцати до двадцати кабельтововъ, подозрительное судно; они не видѣли огней и оно направилось прямо на броненосецъ.

Когда подозрительное судно было освѣщено прожекторомъ, наблюдавшимъ показалось, что они замѣтили миноносецъ, шедшій на „Суворова“ полнымъ ходомъ. На основаніи этихъ наблюденій адмиралъ Рожественскій приказалъ открыть огонь.

Большинство коммиссаровъ выражаетъ по этому поводу мнѣніе, что отвѣтственность за эти дѣйствія и за послѣдствія канонады, которую выдержала рыбачья флотилія, падаетъ на адмирала Рожественскаго.

12. Почти тотчасъ же послѣ того, какъ былъ открытъ огонь съ праваго борта, „Суворовъ“ замѣтилъ впереди себя маленькое судно, которое преградило ему путь, и вынужденъ былъ взять лѣво на бортъ, чтобы избѣжать съ нимъ столкновенія. Но это судно, освѣщенное прожекторомъ, было признано рыбачьимъ.

Съ цѣлью помѣшать, чтобы выстрѣлы съ судовъ не попадали въ это безвредное судно, прожекторъ былъ немедленно поднятъ вверхъ на 45 градусовъ. Затѣмъ, адмиралъ далъ сигналъ судамъ „не стрѣлять въ рыбаковъ".

Но одновременно съ тѣмъ, какъ прожекторъ освѣтилъ рыбачье судно, наблюдавшіе съ „Суворова", какъ это видно изъ показаній свидѣтелей, замѣтили съ лѣваго борта другое судно, показавшееся имъ подозрительнымъ, по тѣмъ же признакамъ, по какимъ показалось подозрительнымъ судно, служившее мишенью для выстрѣловъ съ праваго борта.

Огонь былъ тотчасъ же открытъ по этой второй цѣли и, такимъ образомъ, происходилъ съ двухъ бортовъ.

13. Согласно постоянному приказу по эскадрѣ, адмиралъ указывалъ на тѣ цѣли, по которымъ должны стрѣлять суда, наводя на нихъ свѣтъ прожекторовъ. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ каждое изъ судовъ, съ цѣлью обезопасить себя отъ неожиданностей, осматривало горизонтъ со всѣхъ сторонъ своими собственными прожекторами, то трудно было не произойти замѣшательствамъ.

Огонь, длившійся въ теченіе десяти — двѣнадцати минутъ, нанесъ серьезныя поврежденія рыбачьей флотиліи. Такъ, два человѣка было убито, шесть ранено. „Crane" пошелъ ко дну, „Snipe", „Mino", „Moulmein", „Gull", „Majestic" получили болѣе или менѣе серьезныя аваріи.

Съ другой стороны, на крейсеръ „Аврора" попало нѣсколько снарядовъ.

Большинство комиссаровъ устанавливаетъ, что не имѣется точныхъ элементовъ для опредѣленія, по какимъ цѣлямъ стрѣляли суда. Но коммиссары единодушно признаютъ, что суда рыбачьей флотиліи не совершили ни одного враждебнаго дѣйствія; большинство же коммиссаровъ, кромѣ того, полагаетъ, что ни среди рыбаковъ, ни вообще въ этихъ мѣстахъ не было никакого миноносца; въ виду этого открытіе адмираломъ Рожественскимъ огня не оправдывалось. Русскій коммиссаръ, не считая для себя основательнымъ раздѣлять этотъ взглядъ, выражаетъ убѣжденіе, что огонь былъ вызванъ подозрительными судами, приближавшимися съ враждебными цѣлями къ эскадрѣ.

14. Относительно реальныхъ результатовъ этой ночной стрѣльбы тотъ фактъ, что на „Аврору" попало нѣсколько снарядовъ въ 47 и въ 75 миллиметровъ, даетъ основаніе предполагать, что именно этотъ самый крейсеръ или, можетъ быть, другое русское судно, отставшее на пути, по которому шелъ „Суворовъ", безъ вѣдома послѣдняго, могло вызвать и на-

влечь на себя первоначальный огонь. Эта ошибка можетъ быть объяснена тѣмъ фактомъ, что это судно, если на него глядѣть сзади, не показывало никакихъ видимыхъ огней и что наблюдавшіе съ адмиральскаго судна могли быть обмануты иллюзіей, создаваемой почной темнотой.

По этому поводу комиссары замѣчаютъ, что у нихъ нѣтъ данныхъ для установленія причинъ, которыя вызвали продолженіе огня съ лѣваго борта.

При такомъ положеніи нѣкоторые находившіеся на болѣе отдаленномъ разстояніи рыбачьи пароходы могли быть смѣшаны съ тѣми, по которымъ первоначально былъ открытъ огонь, и такимъ образомъ разстрѣляны. Другія же рыбачьи суда могли пострадать отъ выстрѣловъ, направленныхъ по болѣе отдаленной цѣли.

Эти соображенія, впрочемъ, не находятся въ противорѣчіи съ впечатлѣніемъ нѣкоторыхъ рыбаковъ, которые, видя попадающіе въ нихъ снаряды, несмотря на нахожденіе свое въ сферѣ свѣта прожекторовъ, имѣли основаніе считать себя объектами непосредственнаго разстрѣла.

15. *Продолжительность огня съ праваго борта, даже стоя на точкѣ зрѣнія русской версіи, казалось большинству комиссаровъ большей, чѣмъ это было необходимо. Но то же большинство считаетъ, что комиссары недостаточно освѣдомлены, какъ это уже было сказано, относительно продолжительности стрѣльбы съ лѣваго борта.*

Во всякомъ случаѣ комиссарамъ пріятно единодушно признать, что лично адмиралъ Рожественскій съ самаго начала и до конца дѣлалъ все возможное для того, чтобы помѣшать опознаннымъ рыбакамъ быть мишенью выстрѣловъ эскадры.

16. Какъ бы то ни было, но когда „Дмитрію Донскому“ удалось показать свои позывныя, адмиралъ рѣшился дать сигналъ „прекратить огонь“. Отрядъ судовъ тогда продолжалъ свой путь и, не останавливаясь, исчезъ на юго-западѣ.

По этому поводу комиссары единодушно признаютъ, что послѣ тѣхъ обстоятельствъ, которыя предшествовали инциденту, и тѣхъ, которыя его вызвали, при прекращеніи огня было много неизвѣстности о грозящей отряду судовъ опасности и адмиралъ могъ имѣть основаніе продолжать путь.

Тѣмъ не менѣе, большинство комиссаровъ сожалѣютъ, что адмиралъ Рожественскій при проходѣ чрезъ Па-де-Калэ не озаботился извѣстить власти сосѣднихъ морскихъ державъ о томъ, что онъ былъ вынужденъ стрѣлять въ рыбачьи суда неизвѣстной національности и что послѣднія нуждаются въ помощи.

17. *Комиссары, заканчивая свой рапортъ, заявляютъ, что оцѣнка, высказанная въ немъ, по духу своему не можетъ послужить какимъ-либо умаленіемъ военныхъ качествъ или гуманныхъ чувствъ адмирала Рожественскаго или личнаго состава его эскадры.*

Шпаунъ, Фурнье, Дубасовъ, Люисъ-Бомонтъ, Чарльзъ-Генри Дэвисъ.

Вопросъ о возмѣщеніи убытковъ лицамъ, пострадавшимъ во время происшествія у Доггеръ-банки, не касался международной комиссіи, а былъ разрѣшенъ непосредственными переговорами правительствъ русскаго и британскаго и 23 февраля русскій посолъ въ Лондонѣ вручилъ великобританскому министру иностранныхъ дѣлъ лорду Лансдоуну чекъ на 65000 фунт. стерл., составляющихъ вознагражденіе, выданное нашимъ правительствомъ гулльскимъ рыбакамъ.

Лордъ Лансдоунъ, съ своей стороны, передалъ графу Бенкендорфу письменное обязательство, удостовѣряющее, что Россіи не будетъ предъявлено болѣе никакихъ претензій по этому дѣлу.

Въ объясненіе этой цифры можно привести отвѣтъ перваго министра Бальфура въ палатѣ общинъ на запросъ представителя въ парламентѣ отъ города Гулля сэра Сеймура Кинга.

Бальфуръ заявилъ, что назначенная британскимъ правительствомъ комиссія въ Гуллѣ постановила, что изъ потребованныхъ 103.830 ф. ст. лишь сумма въ 60.023 ф. ст. признана дѣйствительно законнымъ требованіемъ. Россія уплатила 65.000 ф. ст. Разницу, которая составляетъ приблизительно 5.000 ф. ст., британское правительство удержало для удовлетворенія возможныхъ непредвидѣнныхъ требованій, о чемъ было сообщено русскому правительству. Можно лишь восхититься изумительною прозорливостью англичанъ, которые и въ этомъ случаѣ выказали столько предусмотрительности, что и вознагражденіе своимъ подданнымъ они успѣли выторговать на всякій случай съ запасомъ.

Чтобы исчерпать финансовую сторону изслѣдуемаго нами вопроса, нелишне привести подсчетъ, сдѣланный газетой „Daily Express“, расходовъ, вызванныхъ слѣдственной комиссіей по гулльскому происшествію. По состоявшемуся между обоими правительствами соглашенію, эти расходы должны быть распредѣлены, въ равныхъ доляхъ, между Россіей и Англіей, причемъ каждая держава оплачиваетъ проѣздъ свидѣтелей, приглашенныхъ ею въ Парижъ. Какъ видно изъ до-

клада генеральнаго секретаря комиссіи, расходы колебались между четырьмя и пятью тысячами рублей въ день, причемъ въ эту сумму не входитъ вознагражденіе русскихъ и англійскихъ юристовъ, участвовавшихъ въ совѣщаніяхъ комиссіи. Но если взять сумму въ 5.000 рублей за средній ежедневный расходъ, то итогъ достигнетъ круглой цифры 300.000 рублей.

XIII.

Приведенныя мною выше въ своемъ мѣстѣ подробныя данныя доставили уже, какъ я полагаю, достаточный матеріалъ для сдѣланія каждымъ читателемъ самостоятельнаго вывода о томъ, на чьей сторонѣ была истина въ столь нашумѣвшемъ на всю вселенную происшествіи въ Сѣверномъ морѣ. Тѣмъ не менѣе, позволю сеѣ лишь отмѣтить нѣкоторыя частности, чтобы русскіе могли сами судить объ истинныхъ размѣрахъ блистательной дипломатической побѣды, будто-бы одержанной нами въ Парижѣ, какъ, по крайней мѣрѣ, протрубила о томъ лондонская печать.

Главной задачей международной комиссіи, созванной въ Парижѣ, было, какъ я себѣ представляю, не опредѣленіе вопроса, правъ или не правъ былъ вице-адмиралъ Рожественскій, открывая огонь у Доггеръ-банки при обстоятельствахъ, съ самаго начала бывшихъ извѣстными.

Вѣдь достовѣрно установлено, что адмиралъ Ламбтонъ на аудіенціи у короля Эдуарда высказалъ мнѣніе о совершенной правотѣ генералъ-адъютанта Рожественскаго; тоже самое говорилъ и адмиралъ Фишеръ, прибавивъ, что ни одинъ начальникъ британскаго флота не могъ бы въ подобномъ случаѣ дѣйствовать иначе. Оба же эти адмирала принадлежатъ къ числу наиболѣе уважаемыхъ и опытныхъ англійскихъ моряковъ. Морской адъютантъ короля, принцъ Баттенбергскій, разслѣдовавшій дѣло въ Гуллѣ, въ рапортѣ королю выразилъ одинаковое съ названными адмиралами мнѣніе.

Задачей комиссіи, а въ особенности русскихъ делегатовъ, должно было быть, прежде всего, установленіе факта присутствія вражескихъ миноносцевъ, дабы уничтожить въ общественномъ мнѣніи всего міра то злостное обвиненіе русскихъ моряковъ въ галлюцинаціяхъ, которое распространили противъ нихъ не только враждебныя Россіи газеты, но и нѣкоторыя отвѣтственныя лица дружественной Россіи державы.

Къ сожалѣнію, нельзя не признать, что къ достиженію

подобнаго результата нашими делегатами не было приложено достаточно старанія, что и отразилось на общемъ характерѣ окончательнаго постановленія Гулльской комиссіи.

Довольствоваться, какъ доказательствомъ, утвержденіемъ О'Бэрна, что Японія положительно заявила, что ни одинъ изъ принадлежащихъ ей миноносцевъ не находился въ ночь съ 8 на 9 октября близъ Доггеръ-банки, было-бы по меньшей мѣрѣ странно. Равнымъ образомъ, совершенно также недостаточны очень категорическія заявленія рыболовной компаніи Гэмкокъ, что сторонняго судна не могло быть среди пароходовъ компаніи въ тотъ моментъ, когда началась пальба съ русской эскадры, такъ какъ изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что находящееся въ Лондонѣ правленіе компаніи получаетъ лишь одинъ разъ въ сутки донесенія о сторонникъ судахъ, присоединившихся къ ея флотиліи. Слѣдовательно, оно не могло знать въ ночь инцидента у Доггеръ-банки, что никакое судно со стороны не проскользнуло подъ ночь въ районъ маневровъ ея судовъ.

Капитальный вопросъ о миноносцѣ, оставшемся до утра на мѣстѣ катастрофы, не былъ вовсе выясненъ, — показавшіе въ Гуллѣ объ этомъ фактѣ матросы съ „Moulmein" въ Парижѣ допрошены не были, а удовольствовались голословнымъ заявленіемъ хозяина судна „Cannet", чтобы вывести заключеніе, что помянутый миноносецъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ нашей „Камчаткой", и заявленіе это не подверглось нашими делегатами строжайшему разслѣдованію и, какъ надо думать, опроверженію.

Шкиперъ судна „Moulmein" и „адмиралъ" рыболовной флотиліи Томасъ Карръ показали въ Гуллѣ, что они видѣли миноноски, двинувшіяся на русскую эскадру, между тѣмъ въ Парижѣ Карръ молчалъ и русскіе делегаты не выяснили причинъ этого противорѣчія.

Гарри Смитъ заявилъ, что въ ночь происшествія ему показалось, что онъ видитъ иностранное судно, но затѣмъ узналъ въ немъ рыболовное судно безъ огней, тогда какъ всѣ начальствующія лица рыболовной флотиліи утверждали, что *всѣ* ея суда имѣли установленные огни.

Свидѣтели Гринъ, Кастелло и Сморкъ видѣли суда безъ огней. При этомъ Кастелло предъ канонадой, а Гринъ послѣ нея, замѣтивъ одно изъ судовъ безъ огня, воскликнули: „вотъ миноносецъ!" Затѣмъ, правда, Кастелло измѣнилъ свое показаніе въ томъ смыслѣ, что въ суднѣ, принятомъ имъ за миноносецъ, онъ призналъ госпитальное судно „Alpha". Под-

вергнутый допросу въ комиссіи въ Парижѣ, тотъ же Кастелло вынужденъ былъ сознаться, что узналъ онъ „Alpha“ не на морѣ и не въ ту ночь, а впослѣдствіи въ Гуллѣ на картѣ распредѣленія судовъ флотиліи, предъявленной ему во время гулльскаго опроса. Когда же такая же карта была предъявлена ему въ Парижѣ вице-адмираломъ Дубасовымъ, то Кастелло не могъ въ ней разобраться. Помимо того, „Alpha“, по показанію ея шкипера, находилась во время канонады далеко отъ судна, съ палубы котораго Кастелло дѣлалъ свои наблюденія и шла не въ томъ направленіи, въ которомъ двигалось судно безъ огней или „черный предметъ“, какъ его называли, принятое было свидѣтелемъ за миноносецъ.

Многіе рыбаки показали, что артиллерійскіе снаряды пролетали надъ ихъ головами, чѣмъ устанавливается, что прицѣлъ судовъ эскадры былъ иной, чѣмъ рыболовныя суда. Да, наконецъ, если бы наша эскадра стрѣляла не въ подкравшіеся миноносцы, а въ рыбачьи суда, что бы отъ нихъ осталось послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ русскихъ морскихъ орудій?

Русскіе офицеры Кладо, Эллисъ и Шрамченко сообщили всевозможныя подробности о видѣнныхъ ими миноносцахъ. Послѣ этихъ ясныхъ, категорическихъ показаній, которымъ англичане могли противопоставить однѣ лишь гипотезы или голословныя отрицанія, французская печать единогласно предсказывала подтвержденіе комиссіею главныхъ частей русскаго заключенія. Этимъ объясняется, почему нѣкоторыя газеты, какъ напр. „Matin“ и „Echo de Paris“, воздержались отъ всякихъ коментаріевъ постановленія комиссіи. „Eclair“ же заявила, что категорическое утвержденіе постановленія объ отсутствіи миноносцевъ представляется удивительнымъ послѣ показанія капитана Кладо и опроверженія, высказаннаго адмираломъ Фурнье англійскому свидѣтелю-офицеру по вопросу о возможности смѣшенія миноносца съ большимъ судномъ. Въ общемъ, печать полагала, что комиссія выполнила скорѣе дипломатическую, чѣмъ юридическую миссію и къ этому мнѣнію, къ прискорбію, приходится поневолѣ присоединиться.

Газета „Aurore“ пошла еще дальше и замѣтила, что „принятая комиссіею система не всегда окажется пригодною. Будутъ случаи, когда недостаточно будетъ улыбаться обѣимъ сторонамъ, но придется высказать категорическое мнѣніе“.

Русское чувство не можетъ не быть возмущеннымъ, на какомъ основаніи комиссія вѣрила болѣе показаніямъ, да еще

иногда измѣненнымъ противъ первоначальныхъ—рыбаковъ, а не офицеровъ? Если русскіе офицеры не внушали комиссіи довѣрія, почему же она не приняла въ соображеніе показаній прусскаго офицера Энгберта или голландскаго инженера Кои? Точно также и другой прусскій офицеръ, баронъ Лепель, бывшій очевидцемъ происшествія у Доггеръ-банки, находясь на русскомъ крейсерѣ „Орелъ“, былъ свидѣтелемъ обмѣна съ „Камчаткой“ неизвѣстно откуда присылавшихся телеграммъ, запрашивавшихъ о мѣстонахожденіи адмиральскаго корабля русской эскадры, былъ, затѣмъ, свидѣтелемъ атаки со стороны двухъ судовъ, которыя, по его глубокому убѣжденію, были замаскированные миноносцы: „я ихъ видѣлъ слишкомъ близко“, — говоритъ баронъ, — „чтобы возможно было ошибиться“.

Точно также комиссія не обратила вниманія на цѣнное показаніе норвежскаго капитана Христіансена, видѣвшаго въ Сѣверномъ морѣ сначала одинъ двухтрубный миноносецъ, а затѣмъ и второй, шедшій съ очень большой скоростью. Еще до появленія въ парижскую комиссію, Христіансенъ давалъ письменное показаніе въ русскомъ генеральномъ консульствѣ въ Христіаніи и нарисовалъ одинъ изъ видѣнныхъ имъ миноносцевъ. Рисунокъ точка въ точку совпадаетъ съ примѣтами таинственныхъ миноносцевъ, встрѣченныхъ у Доггеръ-банки. Неужели это совпаденіе тоже галлюцинація, подобная той, которой подверглись, по мнѣнію англичанъ, наши офицеры и самъ адмиралъ Рожественскій, который еще въ самое послѣднее время, во время стоянки въ Носси-бэй, подтвердилъ сотруднику „Matin“ присутствіе миноносцевъ во время гулльскаго инцидента?

Зачѣмъ русскіе делегаты не настояли на полномъ выясненіи роли нѣкоего Данielьсона, который прошелъ въ работахъ комиссіи какою-то легкою тѣнью, а между тѣмъ, какъ кажется, имя это скрывало подъ собою другое—японское имя?

Французы, близко стоявшіе къ дѣлу, не скрывали своего сожалѣнія, что русскими представителями не были вызваны въ комиссію тѣ пріѣхавшіе изъ Англіи пять свидѣтелей, которые могли показать о приготовленіяхъ японцевъ къ нападенію на русскую эскадру, о возвращеніи ихъ въ Гулль послѣ неудачной попытки и пр. Говорили тогда, что свидѣтели эти не были вызваны, „дабы не производить раздраженія“, а также потому, что дѣло и безъ того ясно, но что, впрочемъ, они останутся въ Парижѣ до окончанія работъ комиссіи и что русскимъ агентомъ выговорено право вызова ихъ „въ случаѣ

надобности или въ виду новыхъ фактовъ". Очевидно, надобности не представилось, и постановленіе комиссіи признано было кѣмъ слѣдуетъ настолько удовлетворительнымъ съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, что свидѣтели эти въ комиссію вызываемы не были.

Въ дѣйствительности, въ распоряженіи комиссіи, или по крайней мѣрѣ, русскихъ въ ней представителей, имѣлся обширный арсеналъ письменныхъ документовъ, имѣющихъ капитальное значеніе. Въ англійской прессѣ старались набросить тѣнь на эти документы, какъ бы исходящіе отъ тайныхъ агентовъ, или же какъ добытые нелегальнымъ путемъ, хотя на самомъ дѣлѣ, за малыми исключеніями, они исходятъ отъ лицъ дипломатическаго корпуса.

По этимъ документамъ можно прослѣдить, начиная съ перваго донесенія отъ 23 мая 1904 г., весь ходъ приготовленій японцевъ къ нападенію на Балтійскую эскадру, причемъ никогда не было рѣчи объ открытомъ боѣ въ европейскихъ водахъ, а постоянно имѣлась въ виду засада, нападеніе исподтишка.

Нашимъ представителямъ было извѣстно, какимъ образомъ набирали команду на суда, пытавшіяся погубить русскую эскадру, какъ уцѣлѣвшіе вернулись въ Гулль и какимъ дорогимъ виномъ угощали своихъ пріятелей.

У нашихъ комиссаровъ имѣлись форменныя доказательства, что японскіе миноносцы несомнѣнно были; удалось даже узнать, когда именно японцы купили въ Англіи эти старые англійскіе миноносцы и откуда они появились—изъ мѣстечка, находящагося въ 10 миляхъ отъ Гулля.

И все-таки всѣ эти факты были обойдены молчаніемъ, потому будто бы, что если бы члены комиссіи открыто установили фактъ, что среди рыбачьихъ судовъ находились именно миноносцы, то это неизбѣжно повело бы къ необходимости изслѣдованія, къ какой національности принадлежали эти миноносцы и изъ какого порта они вышли. Между тѣмъ, такое изслѣдованіе могло повести къ новому конфликту Россіи съ Англіей, „что не соотвѣтствовало бы примирительному направленію работъ комиссіи".

Дабы избѣгнуть такого, Боже оборони, несоотвѣтствія, русскіе представители предпочли не пользоваться тѣмъ, что у нихъ было въ рукахъ для доказательства полной правоты русскаго дѣла въ инцидентѣ у Доггеръ-банки, и тѣмъ самымъ оставить образъ дѣйствій русской эскадры, слѣдуя старому

русскому судебному выраженію, „хотя и оправданнымъ, но оставленнымъ въ сильномъ подозрѣніи“.

Такимъ расшаркиваніемъ предъ Англіей, мнѣ кажется, мы не добьемся многаго; по крайней мѣрѣ, немедленно за нашею уступчивостью въ Гулльской комиссіи, послѣдовало требованіе Англіи объ удовлетвореніи за потопленіе „Knight Commander“. Чѣмъ больше будемъ мы принижать себя предъ Англіей, тѣмъ большаго будетъ она отъ насъ требовать, тогда какъ твердое отстаиваніе своихъ правъ заставитъ ее считаться и съ нашими интересами. Англія — держава очень умная и великолѣпно знаетъ, что она можетъ позволить себѣ по отношенію къ каждому народу и къ каждой дипломатіи, и она никогда не позволяла себѣ перейти извѣстной границы, хотя, конечно, всемѣрно старалась отодвинуть эту пограничную черту елико возможно дальше.

Если бы кто-либо захотѣлъ поучиться искуству у англичанъ и узнать, въ чемъ секретъ ихъ успѣховъ, тотъ пусть припомнитъ, что на заданный именно объ этомъ секретѣ вопросъ лордъ Эбердинъ отвѣтилъ: „Сила Англіи въ томъ, что порядочные люди у насъ такъ же смѣлы, какъ мошенники“.

В. Тепловъ.

27 марта 1905 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 апрѣля 1905 года.

КОПИРОВАНИЕ
3.07.03